

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра литературы и методики ее преподавания

**Идейно-композиционная роль образа Левина: проблема
«избрания пути» в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого**

Выпускная квалификационная работа

Ека	Квалификационная работа	Исполнитель:
те-	допущена к защите	Бабушкина Ирина Сергеевна,
рин	Зав. кафедрой	обучающийся БР-41 группы
бург	_____	_____
201		
6		
СО	Руководитель ОПОП:	Научный руководитель:
ДЕ	_____	Ермоленко С.И.,
РЖ		доктор филологических наук,
АН		профессор
ИЕ		_____
ВВ		
ЕДЕ		
НИЕ.....		3

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КА-РЕНИНА»: РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА ЛЕВИНА	24
1.1. Истоки замысла романа.....	24
1.2. Переосмысление замысла романа: появление образа Левина.....	29
ГЛАВА 2. РОМАН «АННА КАРЕНИНА» В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННО-КОВ.....	33
2.1. Первые отзывы о романе.....	33
2.2. Споры о значении образа Константина Левина в романе	42
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТОСТРОЕНИЯ РОМАНА «АННА КАРЕ-НИНА»: ПРОБЛЕМА «ВНУТРЕННЕГО ЗАМКА»	50
3.1. Сюжетная линия Анны Карениной.....	51
3.2. Сюжетная линия Константина Левина	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	70

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Л. Н. Толстого, который всегда живо и мгновенно реагировал на события, происходившие в России и за её пределами, является своеобразным отражением современной ему действительности. Даже небольшое, казалось бы, частное событие могло подтолкнуть писателя на создание произведения, созвучного по поднимаемым в нем вопросам эпохе. В «Анне Карениной» нет масштабных исторических событий («замысел такой частный»), но в романе ставятся вопросы, волновавшие русское общество 1870-х годов. Недаром толки о романе Толстого сливались со злободневными политическими известиями, а одна из заметок Достоевского в его «Дневнике писателя», затрагивающая «Анну Каренину», называлась «Злоба дня» [Достоевский, 1995, XIV, с. 62 - 65]. Вместе с тем Достоевский находил в романе «огромную психологическую разработку души человеческой» [См.: там же, с. 236]. Сам Толстой называл «Анну Каренину» «романом из современной жизни» [Бабаев, 1982, с. 417].

В отечественном литературоведении прочно утвердилось представление об «Анне Карениной» Л. Н. Толстого как об одном из крупнейших произведений русской классической литературы. Первое, на что обращалось внимание, — это удивительное ощущение потока современной писателю жизни, воссозданное в романе. Так, Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская утверждают, что «проблемы, которые являются центральными для “Анны Карениной”, были выдвинуты самим ходом истории, самой эпохой» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 529]. В. В. Набоков в своих лекциях по русской литературе (1999) отмечал: «Хронология в “Анне Карениной” построена на уникальном для мировой литературы чувстве времени» [Набоков].

Определяя место и значение «Анны Карениной» в творческой эволюции Толстого, исследователи сопоставляли «роман из современной жизни» с предшествующим произведением писателя - «Войной и миром». Н. К. Гудзий писал: «“Война и мир” — апофеоз здоровой, полнозвучной жизни, ее земных радостей и земных чаяний... Совсем другое видим мы в “Анне Карениной”. Здесь господствует настроение напряженной тревоги и глубокого внутреннего смятения» [Гудзий, 1960, с. 113 - 114]. Э. Г. Бабаев, как бы продолжая мысль Гуд-

зия, утверждает, что внутренняя напряженность, тревога как раз и привлекли читателя, потому что этим ощущением была пропитана сама эпоха Толстого: «Устои нового времени оказались непрочными. Разорение, семейные драмы, крахи банков, катастрофы на железных дорогах — все это были “признаки времени”, которые поражали воображение человека 70-х годов, определяли его тревожное мироощущение» [Бабаев, 1978, с. 8]. По словам В. В. Ермилова, отражение в «Анне Карениной» современной Л. Н. Толстому эпохи сделало роман «произведением, столь же гениальным, как и “Война и мир”, но противоположным по своему поэтическому настроению. Вместо поэмы о счастье — роман о несчастье. Вместо торжества жизни — угроза смерти, духовной смерти человечества, если оно не найдет пути к обновлению, — “воскресению”» [Ермилов, 1939, LXIX, с. 28]. М. Б. Плюханова считает возможным делать и более решительные пессимистические выводы: «Если в период “Войны и мира” основным... было для Толстого начало добра и любви, то теперь это начало теряет ясность, возможно, и смысл вообще и глядит зевом смерти» [Плюханова, 2000, с. 844].

Если в основе «Войны и мира» лежало изображение событий кампании 1805-1807 годов и, прежде всего, войны 1812 года, то «Анна Каренина» практически не имела в своем содержании описания военных действий (исключая русско-турецкую войну, куда уже в финале романа уезжает Вронский) и крупных исторических событий. Но, тем не менее, эпоха, воссозданная в романе, отмечена глубоким драматизмом. Взаимоотношения помещиков и крестьян после реформы 1861 года, противостояние либералов и демократов, уже упомянутая русско-турецкая война (1877 - 1878), начало разлома сословных отношений в русском обществе - все это определяло глубочайшее напряжение эпохи и постоянное пребывание людей «на грани». «В “Анне Карениной”, в отличие от “Войны и мира”, Толстой пользовался материалом обыденной жизни. Здесь нет ни одного мирового события, ни одной исторической личности. Недаром новый роман Толстого после исторической эпопеи поразил читателей “вседневностью содержания”. Но вседневность — это тоже история», - утверждает Э.

Г. Бабаев [Бабаев, 1978, с. 11]. Поразившая современников «вседневность содержания» заключалась в том, что «общество, современное “Анне Карениной”, ему [Л. Н. Толстому – И. Б.] гораздо ближе, чем общество людей “Войны и мира”, вследствие чего ему легче было проникнуться чувствами и мыслями современников “Анны Карениной”, чем “Войны и мира”. А это имеет громадное значение при художественном изображении жизни» [Алексеев, 1948, II, с. 259].

Исследователи отмечали существенное отличие первоначального замысла «Анны Карениной» от окончательного варианта романа. Так, Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская напоминают, что сначала Толстой предполагал писать пьесу о Петре, но вскоре отказался от этой мысли и приступил к работе над романом [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 519]. Оставив историческую тематику, Толстой начал писать роман семейно-бытовой: «Развитие событий писатель вначале предполагал полностью сконцентрировать вокруг семейной темы, – пишет М. Б. Храпченко. - Постепенно расширялись не только рамки повествования, но изменилась внутренняя перспектива произведения, его творческая концепция. Изменение замысла, внутренней структуры романа выразилось в насыщении его широким социальным содержанием» [Храпченко, 1980, II, с. 175].

Н. К. Гудзий во вступительной статье к одному из изданий «Анны Карениной» приводит 10 вариантов начала романа, по которым можно проследить, как менялась мысль Толстого, как он пришел от романа «о потерявшей себя замужней женщины из высшего общества» к роману остросоциальному [См. об этом: Гудзий, 1939, XXXV-XXXVI, с. 381 - 486]. По мнению Н. К. Гудзия, морально-психологическая тема, то есть, тема семьи, не могла существовать самостоятельно, потому что «у Толстого работа над художественным произведением всегда сопровождалась стремлением уяснить себе существенные проблемы, волновавшие его и выдвигавшиеся живой современностью» [Гудзий, 1960, с. 108]. «Морально-психологическая тема, легшая в основу замысла, - отмечает далее Н. К. Гудзий, - получила всестороннее уяснение лишь после того, как она включена была в тему социально-общественную, и

«Анна Каренина» оказалась романом одновременно и семейным и социальным» [Там же, с. 97, 108].

Социальная сторона, то есть общественная ситуация в России 70-х годов XIX века, дана в романе в тесной связи с духовной жизнью русского общества, с семейным укладом. ««Мысль семейная», - справедливо утверждает Э. Г. Бабаев, - приобретала особенную остроту, становилась тревожным фактором времени, потому что разлад выходил за пределы семейного круга и захватывал важные области общественного быта. <...> Все важнейшие общественные перемены начинаются или завершаются в семейном кругу, в личном мире современников, в их повседневной жизни» [Бабаев, 1978, с. 14]. В свою очередь, значимость социальных перемен в жизни общества измеряется степенью их влияния на семейные отношения, как они складываются в определенную эпоху.

«Мысль народная» не исчезает из «Анны Карениной» романа. Она, как говорит М. Б. Храпченко, получает в романе новое художественное выражение. В понимании Толстого, «народ не только играет определяющую роль в исторических событиях, он создатель жизни, творец материальных и духовных ценностей; он – основа и источник всего того, чем живет общество. А рядом высказываются очень важные с точки зрения творческой эволюции Толстого суждения о том, что правители – люди, отрекшиеся от всего человеческого», – утверждает Храпченко [Храпченко, 1980, II, с. 169].

Об этом же пишут Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская, которые, признавая одним из главных предметов изображения в «Анне Карениной» «мысль семейную», обратили внимание на особенности раскрытия в романе «мысли народной»: «В “Анне Карениной” Толстой не только не отошел от проблемы народа, так широко разработанной в “Войне и мире”, но значительно углубил ее. Сопоставление “Анны Карениной” с “Войной и миром”, сделанное самим Толстым, надо, очевидно, понимать так: в “Войне и мире” непосредственным и одним из главных предметов повествования была именно деятельность самого народа, самоотверженно защищавшего родную землю, в “Анне Карениной” —

преимущественно семейные отношения героев, взятые, однако, как производные от общих социально-исторических условий. Вследствие этого проблема народа в “Анне Карениной” получила своеобразную форму выражения, она дана главным образом через духовные и нравственные искания героев» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 522. Курсив наш. - И. Б.].

По-своему проблему соотношения «мысли народной» и «мысли семейной» в «Анне Карениной» рассматривает М. Б. Плюханова: «Здесь взяты для описания события *семейной и внутренней жизни двух людей, между собой не связанных, — Анны Карениной и Константина Левина*. «Но, - продолжает исследовательница, - сужение масштабов означает углубление в жизнь личности и, тем самым, выход к столь глубоким проблемам бытия, что рядом с ними *тема жизни народа в истории кажется некрупной*» [Плюханова, 2000, с. 845. Курсив наш. – И. Б.]. Возникает вопрос: «некрупная» тема народа - то есть менее значимая в романе? Неясность ответа на сформулированный вопрос свидетельствует о неокончательной его решенности в литературоведении.

Одним из вопросов, неизменно привлекающих внимание исследователей (вслед за первыми читателями «Анны Карениной» и критиками-современниками, как мы увидим далее), становится автобиографическая основа романа. Исследователи, как и современники Толстого, единодушны в том, что автобиографическая основа романа явственнее всего обнаруживает себя в сюжетной линии второго главного героя «Анны Карениной» – Константина Левина. По мнению Б. И. Бурсова и Л. Д. Опульской, «образ Левина отражает тот этап в идейных исканиях Толстого, когда он стоял уже перед фактом разрыва со своим классом, но окончательного шага в этом направлении сделать еще не мог. Толстой наделил своего героя такими качествами, благодаря которым он, согласно концепции писателя, мог достичь совершенства» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 531]. Вместе с тем исследователи акцентируют внимание и на том, что «Толстой не щадит своего любимого героя, всё время выставляет его слабости, особенно главную из них — желание сохранить свои помещичьи привилегии» [Там же, с. 532].

Упоминает о явном автобиографизме «Анны Карениной» и В. В. Ермилов: «Толстой и в этом романе мечтает об идеале простой, естественной человеческой жизни в единении с природой, с землей, со всем миром. Константин Левин, носитель этих устремлений, является как бы представителем самого автора (недаром и фамилия его образована от имени Лев — от имени автора)» [Ермилов, 1939, LXIX, с. 29]. О неслучайной близости фамилии героя имени автора пишет и М. Б. Плюханова: «Фамилия образована от имени Толстого Лев, которое произносилось им самим как “Лёв”, то есть, правильнее – Лёвин» [Плюханова, 2000, с. 829]; «Толстой передает Левину весь свой опыт, обретаемый параллельно с писанием романа, кроме опыта творчества» [Плюханова, 2000, с. 844].

Н. К. Гудзий говорит об автобиографизме не только образа Левина, но и сюжетной линии Левин — Кити, в которой отразились «в существенных своих чертах личные отношения самого Толстого с его невестой, потом женой, а также духовные искания и приближавшийся духовный кризис автора романа» [Гудзий, 1960, с. 100]. На автобиографизм сюжетной линии Левин - Кити указывает и В. В. Набоков, считая, что Толстой не скрывает своей симпатии к герою, близкому ему: «автор до конца книги сохраняет интерес лишь к Левину и Кити» [Там же].

«Бесспорность» автобиографизма образа Левина не вызывает сомнения и у Г. Я. Галагана: «Путь его [Левина – И. Б.] к вере отражает трагизм личных толстовских исканий “силы жизни”, уничтожающей “страх смерти”. Давно отмечены почти дословные совпадения левинских мыслей о самоубийстве и аналогичных размышлений Толстого, воспроизведенных в “Исповеди”» [Галаган, 1982, III, с. 399].

Ранее об этом же писал Н. К. Гудзий: преддверии своего собственного духовного кризиса автор романа «Анна Каренина» «наделяет Левина тем “просветлением” и тем душевным перерождением, которые несколько позднее пережиты были самим Толстым» [Гудзий, 1960, с. 113].

Подытоживая наблюдения предшественников, Э. Г. Бабаев отмечает глубокую автобиографическую основу «Анны Карениной», что находит непосредственное отражение в жизненных ситуациях и реалиях, «взятых» из жизни самого автора романа: Левину «он отдал многие из своих страданий и размышлений о жизни» [Бабаев, 1978, с. 18]; «Толстой признавался, что должен был “употребить против себя хитрости”, чтобы вдруг не привести мысль о самоубийстве в исполнение. То же беспокойство испытывает и Левин» [Там же, с. 17]; «постепенно должна была обозначиться грань непонимания между ним и его женой, как эта грань стала обозначаться уже в 70-е годы и наконец привела к семейной драме самого Толстого» [Там же, с. 22]; «Толстой по-прежнему хотел жить в согласии “с собой, с семьей”, но у него возникали новые философские и жизненные побуждения, которые приходили в противоречие с установившимся жизненным укладом барской усадьбы. То же тревожное ощущение было и у Левина» [Там же, с. 16] и т.д.

В связи несомненной близостью образа Левина самому автору важнейшей оказывалась задача определения его идейно-композиционной роли в романе. По мере изучения «Анны Карениной» становилось очевидным, что понять значение и место в художественной структуре романа образа Левина невозможно без осмысления его соотнесенности с образом главной героини – Анны. И в процессе этого осмысления исследователи приходили к выводу о том, что между этими героями есть некая связь. Так, еще в 50-е годы прошлого века Б. В. Рождественский справедливо настаивал на внутренней целостности романа, обусловленной «идеологическим стержнем, вокруг которого разворачивается огромный тематический материал» [Рождественский, 1954, XI, с. 198]. Стержнем романа Рождественский считал проблему, которая волновала самого Толстого: «как жить в обстановке, создавшейся после реформ 60-х годов?» [Рождественский, 1954, XI, с. 194]. «Обращаясь к сюжету “Анны Карениной”, — пишет Б. В. Рождественский, — мы должны прежде всего отметить резко проводимый художником... принцип децентрализации... В “Анне Карениной” не один, а два ведущих героя: Анна и Левин. Соответственно этому через весь

роман проходят две основных сюжетных магистрали...». И вместе с тем «*связь между этими двумя линиями*, несомненно, имеется, но только связь не внешняя, а *внутренняя*, выражающаяся в том, что обе сюжетные линии романа служат одной идеологической задаче – утверждению жизни, свободной от власти чувственных страстей, жизни, наполненной глубоким моральным смыслом» [Там же, с. 198. Курсив наш. – И. Б.].

М. Б. Храпченко, в свою очередь, утверждал, что Каренина и Левин – это не «два варианта правдоискателя», они отнюдь не антиподы, их сближает «желание жить по-иному». «Их отношение к людям, к миру отнюдь не однозначно; их волнуют разные жизненные проблемы; взгляд на явления действительности у каждого из них свой, – пишет Храпченко. - Но в этой разности вместе с тем есть и общее начало – отрыв от общепринятого, косного» [Храпченко, 1980, II, с. 180].

Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская видят связь между героями прежде всего на сюжетном уровне: «Завязка романа концентрируется вокруг проблемы *счастья и несчастья* в человеческой жизни. Анна Каренина приезжает из Петербурга в Москву для того, чтобы избавить от несчастья семью Облонских, но узнает здесь, что она сама несчастна. Как человек, жаждущий счастья и в каком-то смысле идущий навстречу ему, она делает несчастной Кити, которая почти в тот же самый момент сделала несчастным Левина» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 535]. Эти герои равноправны, только поставлены в разные жизненные условия. «Трудности, которые стояли перед ними, имели в конечном счете одни и те же истоки, характеризую в своей совокупности целый общественный строй, который губил человеческую личность и спасение от которого заключалось лишь в единении с народом» [Там же, с. 538].

Даже самая счастливая семья, если она оторвана от мира и лишена общей идеи, по мнению В.В. Ермилова, близка к несчастливой. «Семья и любовь Левина не столько *противопоставляются* в романе семье и любви Анны Карениной — сколько *сопоставляются*, – пишет Ермилов. – У Анны и Левина много общего, роднящего их. Но они разъединены, как разъединено все человечество,

все, предназначенное к близости. Такова внутренняя связь в романе двух фанбульно-сюжетных линий — линии Анны и линии Левина» [Ермилов, 1939, LXIX, с. 30. Курсив наш. – И. Б.].

Е. Н. Купреянова, с нашей точки зрения, - одна из немногих исследователей советского времени, которая смогла ближе других подойти к пониманию характера внутренней связи, существующей между главными героями романа. «Левин ищет смыслы жизни, сознавая бессмысленность своей, весьма благополучной, и окружающей жизни. Анна же видит весь смысл своей неблагополучной жизни в удовлетворении своего стремления к личному, в конечном счете “плотскому” счастью и падает жертвой его “обмана”» [Купреянова, 1960, с. 128]. Судьбы Константина Левина и Анны Карениной, двух главных героев романа, Е. Н. Купреянова осмысляет как частное воплощение общефилософской проблемы соотношения духовного и плотского в человеке.

Развивая мысль Е. Н. Купреяновой, Д. В. Решетов утверждает: трагедия Анны вызвана бунтом ее совести против эгоизма собственного существования. Левин же, приобщившись к народной вере и нравственности, сумел этот эгоизм преодолеть [Решетов]. Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская, изучая композицию романа, задались вопросом: «возможен ли роман об Анне Карениной без романа о Левине и Кити, или наоборот?» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 536]. «Образы Анны Карениной и Константина Левина, - считают исследователи, - отражают две стороны как в самой действительности того времени, так и в мировоззрении Толстого. Поэтому каждого из них *невозможно было создать вне соотношения с другим*» [Там же, с. 537. Курсив наш. – И. Б.].

Это только поначалу кажется, что в романе изображается «внутренняя жизнь» двух героев, «между собой не связанных», - пишет современный исследователь. Однако сюжетные «линии», внешне почти не пересекающиеся, взаимосвязаны «внутренне», и эта взаимосвязь мотивирована в романе. «В Анне и Левине одинаковы силы и напряжение переживания жизни, одинаковы ис-

кренность, прямота и бесстрашие, с которыми они задают свои вопросы, обращенные к неназываемым основным началам бытия» [Плюханова, 2000, с. 845].

Как видим, большинство исследователей, в отличие от современной Толстому критики (о чем мы будем писать далее), увидели связь между главными героями романа, а значит и его внутреннюю целостность.

В свою очередь Н. К. Гудзий считает необходимым все же подчеркнуть, что в романе не два центральных персонажа, а один: «К тому времени, когда задумана была “Анна Каренина”, - пишет исследователь, - в творческом сознании Толстого возник ряд типов и образов, ждавших своего воплощения и пока еще не объединенных вокруг какого-либо центрального образа. И вот, как только он определился, так, говоря словами самого Толстого, “все лица и мужские типы, представлявшиеся прежде, нашли себе место и сгруппировались вокруг этой женщины”, то есть Анны» [Гудзий, 1960, с. 101].

Б. М. Эйхенбаум также считает необходимым отметить: «Толстой строит роман на самых основных, стихийных силах и процессах человеческой жизни, изображая все остальные проявления и формы деятельности (наука, общественная жизнь) с иронией и недоверием. Женщина для него - воплощение этих элементарных сил; поэтому она оказалась в центре романа» [Эйхенбаум, 1960, с. 210].

Не оспаривая справедливость этих утверждений, Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская все же акцентируют значимость в романе образа Левина: «Очевидным становится трагизм любимого Толстым сильного, честного и богато одаренного человека в обстановке 70-х годов: если у него отсутствовала практическая необходимость в общении с народом, оставалось только одно — искать счастья в личной жизни. Но тут все его надежды были обречены на крушение». Поэтому, продолжают исследователи, «неуклонно нараставший трагизм мировоззрения великого художника мог именно в женском образе получить наиболее сильное выражение». И если бы Толстой не ввел Левина, «то роман его стал бы не просто трагическим, но трагически безысходным. Судьба Анны, взятая сама по себе, трагически безысходная; трагизм же Левина заключает в

себе возможность положительного выхода» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 536].

То, что казалось Анне «правдой», было для Левина «мучительной неправдой, считает Э. Г. Бабаев. Левин «не мог остановиться на том, что сила зла владеет всеми. Ему необходим был “несомненный смысл добра”, который может изменить жизнь, дать ей нравственное оправдание. Это была *одна из важнейших идей романа, составляющих его “центр”*» [Бабаев, 1978, с. 110. Курсив наш. – И. Б.]. На основании сказанного выше Э. Г. Бабаев делает вывод: «без Левина *не было бы и романа как целого*» [Там же, с. 112. Курсив наш. – И. Б.].

М. Б. Храпченко подчеркивает важность левинской линии в романе, подчеркивая, что именно с образом Левина связан социальный план в «Анне Карениной»: «Появление в романе Константина Левина с его жизненными, нравственными исканиями и означало изображение целого ряда социальных явлений под определенным углом зрения» [Храпченко, 1980, II, с. 180].

Современные исследователи, опираясь на труды предшественников (Б. М. Эйхенбаума, Э. Г. Бабаева, Б. И. Бурсова и Л. Д. Опульской, Н. К. Гудзия, Е. Н. Купреяновой и др.), продолжают изучение «Анны Карениной», отмечая, прежде всего, созвучность романа эпохе, в которую он создавался. Так, О. В. Барабаш называет роман Л. Н. Толстого отражением современной ему эпохи. Вместе с тем, полагает исследователь, в «Анне Карениной» отразилось и мировоззрение писателя периода написания «романа из современной жизни»: «Роман “Анна Каренина” как центральное произведение Л. Н. Толстого 1870-х годов воплощает в творческой форме духовные конфликты автора и всей русской действительности в целом. В нем нашли отражение увлечение Л. Н. Толстым философией Шопенгауэра, поиски религиозно-духовного и семейного идеала, интерес писателя к “женскому вопросу”, волновавшему общественность в 1860—1870-е годы, стремление постичь принципы подлинного реализма в искусстве» [Барабаш].

О том, что переломная эпоха совпала с назревающим творческим кризисом писателя и наоборот (кризис с эпохой) пишет и Т. Д. Проскурина: «Обо-

значившийся социально-нравственный кризис общества в 70-е годы, связанный с переходом России на новый буржуазный путь развития, совпал с духовным кризисом писателей [Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина – И. Б.]. Именно в этот период Толстой, как и Салтыков-Щедрин, глубоко задумываются о роли семьи в обществе, приходят к осмыслению ее проблем в государственном строительстве. Романы “Господа Головлёвы” и “Анна Каренина”, написанные в пореформенный период, стали зеркальным отражением времени, когда распад семейных отношений в русском обществе символизировал общую неустроенность жизни» [Проскурина].

В советском литературоведении была принята и поддерживалась большинством исследователей жесткая периодизация толстовского творчества, согласно которой выделялись два резко противопоставленных друг другу периода его деятельности. Обоснованием этой периодизации служил произошедший на рубеже 1870 - 1880-х гг. так называемый «перелом» в мировоззрении писателя, вследствие которого он порвал как с прежним образом жизни, так и с прежней манерой письма. Вместе с тем этот «перелом» подготавливался постепенно, и изменения в творческой манере Толстого сказались уже в «Анне Карениной».

О. В. Барабаш же полагает, что правильнее говорить не о резком «переломе», а о «закономерном этапе в развитии индивидуального стиля писателя». По мнению исследователя, новый уровень психологизма, на который поднимается в своем творчестве писатель, обусловлен новым подходом к изображению человека. Герой Л. Н. Толстого, считает Барабаш, выступает теперь «как предмет субъективного психологического анализа с позиций духовного соответствия объективным законам действительности. Эта соотнесенность психологического анализа с «объективными законами действительности», ее «нравственно-философским анализом» и определяет, считает Барабаш, особое место «Анны Карениной» в истории русской литературы, позволяя говорить о том, что это произведение стало «новой ступенью в эволюции русского психологического романа» [Барабаш].

О. Н. Осмоловский сосредоточивает свое внимание на том, как изменения в мировоззрении Толстого сказались на его романном мышлении и поэтике «Анны Карениной». В «Анне Карениной» исследователь видит «органический синтез романа с трагедией». Осмоловский подчеркивает, что Толстой «не отказался от эпической полноты изображения жизни». Вместе с тем внешний мир изображается в «Анне Карениной» «более избирательно», он теперь «тесно соотнесен с трагедией героев и подчинен ее объяснению». «Интерес писателя к личности и законам ее формирования» сменяется «интересом к внутренней драме, к исследованию душевных конфликтов и противоречий». В «Анне Карениной», писатель исследует «трагедию личности, духовный кризис и переворот». Внимание к кризисным, трагедийным состояниям человека, по мысли исследователя, обусловило изменения в поэтике Толстого: «снижается роль объяснительного психологического анализа, степень детализации психических явлений». Иными словами, психологический анализ становится более лаконичным. Не «диалектика души» интересует теперь Толстого, а «диалектика полярных сил сознания» [Осмоловский].

Говоря о сдвигах в романном мышлении Л. Н. Толстого, сказавшихся на изменениях его поэтики, современные исследователи, вслед за советскими литературоведами, как правило, опираются на сравнительный анализ «Анны Карениной» и «Войны и мира». О. В. Барабаш, например, отмечает, что в «Войне и мире» Толстой, идя от «частного, индивидуального» «к широкому обобщению», «подводит читателя к обобщающей мысли, что человек проходит своеобразную нравственную проверку: чем ближе он к народной среде, тем он чище, тем более стойким он оказывается к испытаниям, соединяя свою судьбу с народной судьбой» В «Анне Карениной» - наоборот: «от обобщений» Толстой «переходит к локальным исследованиям, к изображению частных судеб», пытаясь «раскрыть человеческую душу, показать ее возможности» [Барабаш].

В «Войне и мире», продолжает размышлять в том же направлении Н. Набиев, писатель «проводит своих героев через катаклизмы войны, через страдания и лишения, которые падают на долю всей страны, и тем самым при-

общает человека из высшего общества к народной жизни. В «Анне Карениной» Толстой избирает иной способ раскрытия образов своих героев: он «испытывает своих героев через семью, сталкивая их с законами и объективными требованиями семьи, которые такие же ненарушимые, как законы и ход истории» [Набиев].

Вместе с тем исследователи отмечают изменившийся взгляд Толстого на семью, отразившийся в «Анне Карениной». Если в «Войне и мире» Толстой, переживающий счастливый период своей семейной жизни, «твердо отстаивает ценность семейной жизни», - утверждает М. Мейер, - то в «Анне Карениной» он, по-прежнему убежденный в значимости для человека семейных ценностей, уже изображает распад семейных связей [Мейер], по-разному освещая судьбы главных героев – Анны и Левина. По мысли Т. Д. Проскуриной, Толстой показывает типичность семейных отношений в условиях «переворотившейся» русской действительности, при всей «непохожести» семей, как они изображены в «Анне Карениной»: «Толстой, противопоставляя московское дворянство, ориентированному на Запад Петербургу, приходит к выводу, что разрушение семейного уклада в государстве происходит в результате не только неблагоприятной нравственной политики царя и его аристократического окружения, но и, - подчеркивает Проскурина, - от “духа времени”, возникающего в земной атмосфере, способствующего появлению недобрых сил в государстве, называемых писателем “злым духом”» [Проскурина].

Современные исследователи, вслед за советскими литературоведами, справедливо отмечают, что «мысль семейная» получает ясность выражения в «Анне Карениной» только в соотнесенности с «мыслью народной». Несмотря на разность социальных фонов в романах, единым, по мнению Н. Набиева, остается направление нравственных поисков главных героев и «Войны и мира» (Андрей Болконский, Пьер Безухов), и «Анны Карениной» (Константин Левин): это духовное движение к единению с народом, с «роевым» началом жизни, ведущее к отказу от эгоистического начала [См.: Набиев].

И все же внимание современных исследователей в значительной мере сосредоточено на особенностях выражения в романе именно «мысли семейной». В понимании Н. Набиева, «как не было и не могло быть человека без и вне национального организма, так и нет человека без и вне семейного организма. Именно в этом заключается и значение “мысли семейной”, который так дорожил автор “Анны Карениной”» [Набиев]. «Личность терпит трагическое поражение, если свою индивидуальную и эгоистическую волю она противопоставляет законам и требованиям семьи (Анна Каренина), или же находит выход из трудных ситуаций, если, отказавшись от своих индивидуальных притязаний, подчиняется закону семьи и жизни (Константин Левин)» [Там же].

По мнению А. К Степаненко, «мысль семейная» - «не только структурная основа сюжета, но и философский символ высшего единения, какое только возможно между людьми. Это вселенское единение предполагает наличие “ключа любви”...». Отсюда, размышляет исследователь, «особая роль в романе проблемы любви — центральной в романе и в какой-то степени определяющей особенности его композиции...». Главная особенность композиции романа, по Степаненко, состоит в наличии *«двух главных сюжетных линий»*, соотнесенных с образами Анны и Левина, олицетворяющих *«два вида любви»* [Степаненко. Курсив наш. – И. Б.]. «Изображая любовь - частную, единичную (банальный светский адюльтер, счастливый и несчастливый брак), - продолжает исследователь, - Толстой путем антитез и сопоставлений, широкого включения в более широкую философскую проблематику, подходит к мысли о законах любви всеобщей, неразрывной связи между людьми, глобальной ответственности человека за всех и все, которая рождает при отклонении от этих законов чувство вины» [Степаненко]. Таким образом, любовь в жизни Левина и Анны представлена в романе разными выражениями, но их отношения к ближним включены в общую систему общечеловеческих отношений.

О «двух идейно-композиционных центрах» в «Анне Карениной» говорит и О. В. Барабаш: «мысль семейная» находит свое выражение «в сюжетных ли-

ниях Левина и Анны, которые соответственно олицетворяют “семейность” как спасительное начало и “бессемейность” как разрушающую силу» [Барабаш].

С точки зрения Н. В. Гуреевой, Анна и Левин – герои-протагонисты, то есть равноправные главные герои. На этом основании Гуреева также говорит о двух сюжетобразующих центрах повествования, делая интересные, с нашей точки зрения, наблюдения. Два сюжетобразующих центра повествования, по ее мнению, соотносятся с двумя разными категориями времени: «телесное» время Анны и «духовное» Левина. При этом «духовное» время Левина противопоставлено «телесному» времени Анны и Вронского. «В сюжете судьбы Левина художественное время чрезвычайно удлиняется, - замечает исследовательница. - Замедленность внешнего действия обусловлена интенцией автора воспроизвести течение мыслей героя, его сосредоточенность на своем внутреннем состоянии. Время оказывается растянутым, насыщенным душевными переживаниями, сомнениями, самоанализом (это время нравственного поиска, выбора). Художественное время Анны, напротив, стремительное и импульсивное: подчиняясь стихии страсти, Анна вплоть до событий VII части романа отказывается от самоанализа, заглушая чувство вины. Если время Левина линейно, то время Анны хаотично и замкнуто» [Гуреева].

В этой же парадигме «душа – тело» рассматривает образы Левина и Анны и М. Мейер, видя в со- и - противопоставлении этих двух главных образов отражение внутренних метаний самого автора романа: «Конфликт души и тела - проблема извечная, и все мужчины и женщины испокон веков так или иначе страдали от этого. Толстой с его физической и умственной напряженностью, с его очень русским максимализмом, должно быть, очень страдал от испытываемого внутреннего противоречия». И далее следует категоричный вывод: «Так называемый духовный перелом Толстого имел мало отношения к Богу или Христу, или религии, он был вызван его страхом перед собственной плотью и дьяволом, имя которого “женщина”» [Мейер]. Не разделяя позиции автора данного утверждения относительно духовного кризиса Толстого, мы все-таки

должны признать, что категории «духовного» и «телесного», как они художественно воплотились в романе «Анна Каренина», заслуживают внимания.

Но вернемся к работе Н. В. Гуреевой, еще одно наблюдение которой также заслуживает, по нашему мнению, внимания: героев-протагонистов исследовательница соотносит также и со цветовой гаммой. Так, образ Анны сопровождает «концентрированный черный» цвет, превращающийся из «изобразительной детали» в «деталь-символ» (отражение губительной прелести «чуждого и бесовского», греха, блуждания во тьме). Образ же Константина Левина лишен какой-то «определенной цветовой окраски» и потому выделяется в романе: «В сюжетной линии Левина цвето-световые метафоры в совокупности с другими художественными приемами помогают раскрыть всю сложность и глубину образа персонажа, его эволюцию» [Гуреева].

В продолжение сформулированной выше мысли, приведем суждение Н. В. Горьковской, согласно которому «сердце является средоточием духовности» в «концепции личности Толстого»: «Сердце в эстетике Толстого становится регулятором поведения человека, критерием оценки его поступков, нравственным ориентиром и определяет, собственно, систему этических ценностей». С этой точки зрения, понятно, считает Горьковская, почему Толстой делает героиней своего романа именно Анну: ее «сердце открыто для мира, готово жить полноценной жизнью и любить». Вместе с тем, автор показывает «драму, развернувшуюся в... сердце» героини, в котором «поселяется любовь-страсть» [Горьковская], разрушающее, как мы полагаем, с точки зрения Толстого, начало, ведущее к духовной гибели личности.

Таким образом, сосредоточивая свое внимание на образах главных героев «Анны Карениной», современные исследователи неизменно возвращаются, как и советские литературоведы, к проблеме сюжетно-композиционной организации произведения, которую сам Л. Н. Толстой определял как «лабиринт сцеплений», «то есть внутренних связей мысли, воплотившихся в особом, неповторимо оригинальном построении художественного мира романа» [См. об этом подробнее: Толстой, 2003, с. 267]. А. К. Степаненко говорит о композиции

«Анны Карениной» как о системе антитез и синтеза: «Принцип контрастного сопоставления... широко используется Л. Н. Толстым не только при построении сюжетных линий, но и во внешней форме их реализации. Вообще в построении “Анны Карениной” совмещаются принципы противопоставления и единства, слитности, связи. Синтез этих диалектически противоположных принципов — одна из ярких особенностей творческого метода Толстого в целом - наиболее отчетливо проявляется в “Анне Карениной”, создавая иллюзию “потока жизни”. В основе сюжетно-композиционной структуры романа лежит, таким образом, принцип “притяжения-отталкивания”. Эпизоды, имея самостоятельное значение, тяготеют к единому центру» [Степаненко].

Э. Г. Бабаев употреблял толстовское понятие «замок свода», объясняя с его помощью особенности внутренней организации романа. Используя это же толстовское понятие, Ж. Л. Суркова пишет: «В основе “внутренней связи” “вопросы жизни и смерти” и их художественное воплощение в идиллическом и эсхатологическом планах произведения» [Суркова].

Размышляя над композицией «Анны Карениной», Р. Б. Ахметшин отмечает: «Здесь мы сталкиваемся со структурой произведения, в которой происходящие события представляют не как последовательно возникающие, а словно направленные и стремящиеся друг к другу. Сферичность достигается и благодаря эффекту “бесшовного” сцепления эпизодов и всего повествования: роман начинается до появления Анны и продолжится даже после ее смерти — и это еще один шаг на пути создания полной иллюзии реальности происходящего — художественный мир не разрушается со смертью главного героя» [Ахметшин].

Именно такой характер сюжетно-композиционной организации «Анны Карениной», когда со смертью главной героини роман не заканчивается, и обуславливает особую значимость в его художественной структуре образа Левина, который, по словам Н. В. Горьковской, «не просто alter ego» автора, а «человек, взятый в жизненном контексте», стоящий «перед вечными пробле-

мами рационального и чувственного, телесного и духовного, добра и зла, жизни и смерти» [Горьковская].

В результате предпринятого аналитического обзора имеющейся в нашем распоряжении научной литературы мы пришли к выводу, что столь пристальное внимание к роману «Анна Каренина» обусловлено сложностью его идейно-философского содержания и художественной организации. Толкование этой сложности, как с точки зрения содержания романа, так и с точки зрения его формы, очевидно, нельзя признать исчерпывающим. Поскольку всякое подлинно значительное произведение искусства никогда не может быть понято окончательно и навсегда, тем более, если речь идет о таком шедевре мирового значения, каковым является роман «Анна Каренина». Можно только бесконечно приближаться к пониманию его смысла и значения.

Поэтому мы полагаем **актуальным** предпринимаемое нами исследование, посвященное образу Левина, без которого не могут быть поняты ни организация художественного мира романа, ни смысл его. Разнообразие трактовок идейно-композиционной роли образа Константина Левина в романе «Анна Каренина» свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения романа.

Объектом нашего исследования является роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Предмет – идейно-композиционная роль образа Константина Левина в художественной структуре романа.

Цель – выявить роль и значение сюжетной линии Левина в художественной структуре романа. Для реализации данной цели необходимо решение следующих **задач**:

- изучить отклики современников, критические статьи, литературоведческие исследования, посвященные роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина»;
- опираясь на работы исследователей, понять, в чем состоит своеобразие сюжетно-композиционной организации романа;

- проанализировать сюжетную линию Константина Левина в ее соотносении с линией Анны Карениной;
- понять, как решается Левиным проблема «избрания пути», на основании этого сделать вывод о месте и значении образа героя в художественной структуре романа;

Научная новизна нашего исследования состоит в систематизации подходов к изучению особенностей сюжетно-композиционной организации романа и трактовки образа Левина.

В нашей работе мы обращаемся к **историко-генетическому, историко-функциональному и системно-структурному методам научного исследования.**

Методологической основой нашей работы являются фундаментальные исследования, посвящённые творчеству Л. Н. Толстого, роману «Анна Каренина» в частности (Э. Г. Бабаева, Б. И. Бурсова, Э. Е. Зайденшнур, В. З. Горной, Л. Д. Громовой-Опульской, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева, Е. Н. Купреяновой, Б. М. Эйхенбаума и др.)

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов при изучении творчества Л. Н. Толстого в практике школьного преподавания в классах с углубленным изучением литературы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»: РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА ЛЕВИНА

1.1. Истоки замысла романа

Роман «Анна Каренина», как уже отмечалось, был задуман и написан в переломную эпоху, в 1873-1878 годах, когда русская пореформенная жизнь преображалась на глазах. Повсеместное разорение, семейные драмы, кражи банков, катастрофы на железных дорогах - все это были «признаки времени», которые поражали воображение человека 70-х годов, определяя его тревожное мироощущение. Л. Н. Толстой, как мыслящая личность и как художник, был неотделим от этой драматической эпохи, которая и отразилась в его романе «Анна Каренина» очень рельефно и отчетливо. Вследствие этого некоторые ис-

следователи даже называют роман исторической энциклопедией 70-х годов XIX века [Бабаев, 1978, с. 7 - 8].

Самым значительным событием этой эпохи стала отмена крепостного права в 1861 году. Толстой прекрасно понимал, что реформа повлияет на внутренний уклад хозяйственной жизни в России и на сознание современного человека, не только крестьянина, но и помещика. Владея собственной усадьбой в Ясной Поляне, писатель наблюдал перемены не только снаружи, но и внутри крестьянства. Он сам работал и занимался хозяйственными делами. «Попытка Толстого стать действительным отцом и благодетелем своих мужиков замечательна и как яркая иллюстрация того, что барская филантропия неспособна была оздоровить гнилой и безнравственный в своей основе крепостной быт, и как яркая страница из истории сердечных порывов Толстого» [См.: Венгеров, 1901, XXXIII, с. 450]. Несмотря на то, что крестьянский вопрос занимал Толстого всегда и повсеместно, замысел нового романа не сводился только к этой теме и к событиям прошлых лет. «Анна Каренина», по собственному определению писателя, - «роман из современной жизни» [Цит. по: Гудзий, 1939, XXXV – XXXVI, с. 381], в котором Толстой «хотел дать... картину современной России или, по крайней мере, современного общества ...» [Бабаев, 1978, с. 10].

Косвенным свидетельством того, что Толстым был задуман роман именно о современности, является реальный случай, произошедший в действительности, на который обычно ссылаются исследователи, изучающие историю создания произведения, и который, возможно, подсказал Толстому судьбу его будущей героини. Речь идет о происшествии, случившемся в 1872 году (за год до начала работы Толстого над романом): Анна Степановна Пирогова, любовница соседа Толстого по имени А. Н. Бибикова, который покинул ее, бросилась под товарный поезд. Толстой сам видел изуродованный труп самоубийцы, что произвело на него очень тяжелое впечатление. Но это был лишь внешний толчок, послуживший возникновению замысла романа («замысел такой частный»), перераставший в процессе работы над романом в произведение, захватывающие все стороны русской общественной жизни 70-х годов. Толстой работал с

большим усердием, но работа над романом шла очень туго, о чем свидетельствуют уже упомянутые 10 вариантов начала произведения, которые один за другим отбрасывал писатель [См. об этом: Гудзий, XXXV – XXXVI, 1939, с. 381].

Литературная манера, в которой было написано начало романа, исследователи связывают с прочтением Толстым пятого тома сочинений А. С. Пушкина в издании П. В. Анненкова, где были помещены «Повести Белкина». Точнее, речь идет об опубликованном в этом же томе пушкинском отрывке «Гости съезжались на дачу», который, по мнению ряда ученых, определил первые страницы «Анны Карениной». На это указывали многие: и С. А. Толстая, которая всегда была в курсе творческих замыслов мужа [См.: Толстая, 1978, I, с. 500], и русский журналист эпохи Л. Н. Толстого Ф. И. Булгаков [См. об этом: Гудзий, 1939, XXXV–XXXVI, с. 381], и ряд исследователей, занимавшихся изучением истории создания «Анны Карениной» [См., напр.: Жданов, Зайденшнур, 1970, с. 803].

Подтверждением влияния Пушкина на замысел и создание романа является письмо самого Л. Н. Толстого к Н. Н. Страхову от 25 марта 1873 года: «Я как-то после работы взял этот том Пушкина и, как всегда (кажется 7-й раз) перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал. Но мало того, он как будто разрешил все мои сомнения. Не только Пушкиным прежде, но ничем я, кажется, никогда так не восхищался. Выстрел, Египетские ночи, Капитанская дочка!!! И там есть отрывок “Гости собирались на дачу”. Я невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман, который я нынче кончил начерно, роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен и который будет готов, если Бог даст здоровья, через 2 недели и который ничего общего не имеет со всем тем, над чем я бился целый год» [Толстой, 2003, с. 101]. Сказанное Толстым подтверждается, как будто бы, С. А. Толстой и П. А. Сергеенко [См.: Сергеенко, 1903, с. 99]. Получается, что писатель, вдохновленный пушкинской фразой, которую он в

очередной раз встретил глазами, уверен в марте 1873 года, когда работа над романом была еще только начата, в скором его окончании.

Однако Н. К. Гудзий предостерегает от слишком прямолинейного понимания пушкинского влияния на Толстого. «Толстой, прочитав фразу Пушкина “Гости съезжались на дачу”, - замечает Гудзий, - не схватился тут же за перо и не начал сразу же писать роман: “Все смешалось в доме Облонских...”, - непосредственно по “образцу Пушкина”». «Полная недостоверность такого рода воздействия Пушкина, - продолжает далее исследователь, - обнаруживается в результате ознакомления по рукописям с процессом работы Толстого над “Анной Карениной”. В действительности, по первоначальному замыслу, роман начинался с эпизода, соответствующего шестой и седьмой главам второй части романа, где идет речь о приеме гостей княгиней Бетси Тверской после оперного спектакля во французском театре» [Гудзий, 1939, XXXV–XXXVI, с. 382]. Прочтение (в «7-ой раз»!) прозы Пушкина стало для Толстого лишь толчком, ускорившим процесс рождения романа.

И вместе с тем связь «Анны Карениной» с произведениями А. С. Пушкина несомненна. Так, Л. Д. Громова - Опульская включает в список пушкинских произведений, так или иначе оказавших воздействие на Толстого, еще одно, связывая замысел сюжета романа с сюжетом пушкинского «Евгения Онегина»: «Очевидно, что “Анна Каренина” начинается тем, чем “Евгений Онегин” заканчивается. Толстой полагал, что вообще рассказ нужно начинать с того, что герой женился или героиня вышла замуж. <...> В гармоническом мире Пушкина равновесие брака сохраняется. В смятенном мире толстовского романа - рушится. Все же и в “Анне Карениной” эпос побеждает трагедию...» [Громова – Опульская, 1998, с. 170].

Известно, что Толстой сделал первые наброски романа летом 1873 года в Самарской губернии. В письме от 24 августа 1873 года он сообщает Н. Н. Страхову, что занимается усердной правкой романа [Толстой, 2003, с. 122]. В письме от 16 - 17 декабря 1873 года тому же адресату Толстой пишет: «Я ждал

целый год, мучительно ждал расположения духа для писанья - оно пришло - я им пользуюсь для того, чтобы кончить любимое мною дело» [Там же, с. 149].

Одновременно с писанием «Анны Карениной» шла его публикация в журнале «Русский Вестник», редактором которого был М. Н. Катков, установивший жесткие сроки публикации частей романа, что, конечно, вносило дополнительную нервозность в, и без того напряженную, работу Толстого. Сын писателя - И. Л. Толстой - вспоминал, как шло печатание романа в «Русском Вестнике»: «Сначала на полях появляются корректорские значки, пропущенные буквы, знаки препинания, потом меняются отдельные слова, потом целые фразы, начинаются перечеркивания, добавления, - и в конце концов корректура доводится до того, что она делается вся пестрая, местами черная и ее уже в таком виде посылать нельзя, потому что никто, кроме папа'... во всей этой путанице условных знаков, переносов и перечеркиваний разобраться не может. Всю ночь мама сидит и переписывает все начисто» [Толстой И. Л., 1933, с. 90].

Может быть, жесткая цензура редактора, может быть, семейные драмы (умирают 3 младших ребенка Толстых), а скорее и то и другое вместе, повлияли на настроение писателя, сказавшееся на его работе над романом. В 1875 году в письмах Н. Н. Страхову и А. А. Фету от 25 августа Толстой пишет фактически одно и то же. Первому Л. Н. Толстой сообщает: «Я не брал в руки пера два месяца и очень доволен своим летом. Берусь теперь за *скучную, пошлую Анну Каренину* и молю Бога только о том, чтобы Он мне дал силы *стихнуть ее как можно скорее с рук*, чтобы опростать место — досуг очень мне нужный — не для педагогических, а для других, более забирающих меня занятий» [Толстой, 2003, с. 215. Курсив наш. – И. Б.]. Второму: «Я два месяца не пачкал рук чернилами и сердца мыслями, теперь же берусь за *скучную, пошлую “Каренину”* с одним желанием: поскорее опростать себе место — досуг для других занятий, но только не педагогических, которые люблю, но хочу бросить. Они слишком много берут времени» [Цит. по: Гудзий, 1939, XXXV–XXXVI, с. 388. Курсив наш. – И. Б.]. Между 8 и 9 ноября этого же года Толстой пишет к Страхову еще одно письмо, где даже умоляет, чтобы за него кто-нибудь кон-

чил «Каренину» [Толстой, 2003, с. 226]. Скорее всего, писатель хотел заниматься религиозными вопросами, которые «более забирают» его в это время. И, тем не менее, Толстой вновь берет в руки перо, пишет и правит рукописи.

Вынашивание замысла романа, поиски образов героев и их духовный рост, развитие сюжета наблюдала, как отмечалось, С. А. Толстая. Поэтому ее свидетельства могут быть полезны в осмыслении истории создания романа. В своей тетради «Мои записи разные для справок» Софья Андреевна в заметке от 24 февраля 1870 года отмечает зарождение замысла романа: «Наконец, после долгих колебаний, сегодня Л. приступил к работе. <...> Вчера вечером он мне сказал, что ему представился тип женщины, замужней, из высшего общества, но потерявшей себя. Он говорил, что задача его сделать эту женщину только жалкой и не виноватой, и что как только ему представился этот тип, так все лица и мужские типы, представлявшиеся прежде, нашли себе место и сгруппировались вокруг этой женщины» [Толстая, 1978, I, с. 497].

Из этого очевидно, что изначально роман задумывался как семейный, любовно-психологический («замысел такой частный»). В «Анне Карениной», как пишет Э. Г. Бабаев, Толстому, прежде всего, была дорога ее «главная мысль» - «мысль семейная» [Бабаев, 1978, с. 14]. Ему захотелось написать не эпопею (какой является «Война и мир»), а рассказать о судьбе частного человека. Поэтому на первый план выдвигаются судьбы дворянских семей, разлад брака, несчастная судьба женщины, которая мучается от неудовлетворенности собственной жизнью.

1.2. Переосмысление замысла романа: появление образа Левина

Однако со временем происходит изменение замысла, которое касается, прежде всего, образа главной героини. Если раньше Толстой думал об Анне как «скучной, пошлой» женщине, «каиновой самке», то в процессе работы писатель меняет свое отношение к ней. Об этом свидетельствует письмо Л. Н. Толстого А. А. Толстой между 8 и 12 марта 1876 года: «Моя Анна надоела мне,

как горькая редька. Я с ней возжусь, как с воспитанницей, которая оказалась дурного характера. *Но не говорите мне про нее дурного* или, если хотите, то с *management, она все таки усыновлена»* [Толстой, 2011, с. 329. Курсив наш. – И. Б.].

Изменение отношения к главной героини связано с тем, что в процессе работы над «Анной Карениной» Толстой уходит от узкой темы разлада семьи, которая волновала его в момент вынашивания замысла романа. Разлом в русском обществе 70-х годов (а семья – его важнейшая составляющая) был отражением всеобщего разлада всей русской жизни того времени, когда «всё перевернулось и только укладывается», разлада, который, в первую очередь, обнаруживался в отношениях внутри семьи. Надо было понять, что происходит с русским обществом, что происходит с Россией. Так, в изначально семейный роман Толстой вводит «мысль народную», которая теперь (в сравнении с «Войной и миром») уходит вглубь, находя свое выражение через духовные и нравственные искания героев: роман из «частной жизни» постепенно перерастает в «роман из современной жизни».

Отражением этого этапа работы Толстого над романом является следующая запись С. А. Толстой от 24 февраля 1870 года: «“Теперь мне все уяснилось”, — говорил он (Л. Н. Толстой – собств. примеч.). Давно придуманный им характер из мужиков образованного человека вчера он решил сделать управляющим» [Толстая, 1978, I, с. 497]. Скорее всего, это был тот момент, когда Л. Н. Толстому пришла в голову мысль рядом с Анной поставить еще одного – главного – героя «из мужиков образованного человека». Писатель стремится «охватить» в своем романе «различные общественные слои», остановившись «на самой близкой ему среде, помещичье-крестьянской». Так возникает эмбрион темы Левина. Толстого захватила возможность отразить другую, самую важную сторону жизни пореформенной России, при этом не только не пренебрегая семейной проблемой, но и создав антитезу Карениным. С появлением образа будущего Левина произведение получило «неограниченные возможно-

сти для всестороннего развития» [См. об этом подробнее: Жданов, Зайденшнур, 1970, с. 806].

«Эмбрион» Левина появляется во втором варианте романа под фамилией Нерадов. Он «был не такой, как все люди, он стремился разрабатывать русскую мысль. И душевным складом и внешностью он напоминает будущего Левина» [Там же, с. 807]. В пятом варианте романа фамилия меняется: теперь герой становится Ордынцевым. Но далее появляется знаменитая фамилия Левин, и Толстой больше ее не меняет. От редакции к редакции общественные проблемы, которые решал Константин Левин, нарастали. Но самыми главными в сюжетной линии Левина становятся его мучительные поиски смысла жизни и религиозные искания.

Очевидно, усложнение образа Левина связано с тем, что мучило и тревожило тогда самого Толстого. В процессе работы над «Анной Карениной» в Толстом назревал самый глубокий и самый значительный по своим последствиям кризис (его, как уже отмечалось, даже стала преследовать мысль о самоубийстве, что нашло отражение в образе Левина), который разразился на рубеже 70-80-х годов, уже после окончания романа, в результате которого писатель пришел к выводу, что вся его предшествующая жизнь в своих нравственных основах была ложной [См. об этом, напр.: История русской философии, 1998, с. 159].

С введением образа Константина Левина, занятого поиском «несомненного смысла добра», усложняется идейно-художественное содержание романа, в котором появляется не только социальный, но и этико-философский план.

Появление второго главного героя усложняло писательскую задачу: надо было объединить две совершенно разные сюжетные линии, на первый взгляд, никак не связанные между собой. И Л. Н. Толстой осознавал сложность задачи, стоявшей перед ним. В письме Н. Н. Страхову от 23 и 26 апреля 1876 года Толстой писал: «Если же бы я хотел сказать словами всё то, что я имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый который я написал, сначала. И если близорукие критики думают, что я хотел описывать

только то, что мне нравится, как обедает Облонский и какие плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность *собрания мыслей, сцепленных между собой*, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя, а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения» [Толстой, 2003, с. 267. Курсив наш. – И. Б.]. Как образ Константина Левина повлиял на роман в целом, как его восприняли современники, какую роль в романе играет самый автобиографический герой Толстого, - поиски ответов на эти и другие, связанные с ними вопросы - следующий этап наших размышлений.

ГЛАВА 2. РОМАН «АННА КАРЕНИНА» В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ

2.1. Первые отзывы о романе

«Анна Каренина», как уже отмечалось, создавалась в тот период, когда писатель уже осознавал бессмысленность жизни верхних слоев общества и находился на пороге разрыва со своим классом [См. об этом, напр.: Горная, 1979, с. 8]. Печататься роман начал с 1875 года в журнале «Русский вестник» под редакцией М. Н. Каткова, сразу вызвав множество отзывов. В одних читается явное восхищение работой писателя, отмечается глубокое проникновение в психологию героев, жизнеподобие ситуаций и персонажей, в других выразилось недовольство романом, высказывались даже негативные оценки, свидетельствующие о поверхностном восприятии толстовского замысла.

Роман с восторгом был принят А. А. Фетом, Н. Н. Страховым, Н. С. Лесковым. Высоко оценили роман известные деятели народнического движения – С. М. Степняк-Кравчинский, Н. К. Михайловский, писатель Г. И. Успенский, переводчик и издатель Н. В. Гербель, передовые женщины того времени – Софья Ковалевская, Христина Алчевская.

«От воскресенья до сегодня наслаждался чтением “Анны Карениной”, – пишет Толстому друг его молодости С. С. Урусов [Цит. по: там же, с. 12]. «“Анна Каренина” – блаженство. Я плачу – я обыкновенно никогда не плачу,

но тут не могу выдержать!» – признается Н. В. Гербель [Цит. по: там же, с. 8]. «Здесь все говорят (все, т.е. Чуйко, газеты, Юрковский и Мартыянов) об “Анне Карениной” Толстого как о чудо-романе», – сообщал в марте 1875 года о впечатлениях своих друзей писатель демократического лагеря К. М. Станюкович [Цит. по: там же]. Н. Н. Страхов в письме Л. Н. Толстому от 8 апреля 1876 года констатировал факт: «”Анна Каренина” возбуждает такое восхищение и такое ожесточение, какого я не помню в литературе. Толкам нет конца» [Страхов, 2003, с. 258]. А в следующем году в очередном письме после выхода из печати шестой части «Анны Карениной» критик напишет: «Роман Ваш занимает всех и читается невообразимо. Успех действительно невероятный, сумасшедший. Так читали только Пушкина и Гоголя, набрасываясь на каждую их страницу и пренебрегая все, что писано другими» [Страхов, 2003, с. 311]. Это была первая волна отзывов о романе Толстого, самого общего характера, не содержащих пока его аналитического осмысления.

В это же время А. А. Фет писал Л. Н. Толстому: «А не бойсь чуют они все, что этот роман есть строгий, неподкупный *суд всему нашему строю жизни*. От мужика до говядины принца» [Цит. по: Горная, 1979, с. 14. Курсив наш. – И. Б.]. Однако не все читатели увидели этот «суд» в романе. Женщины-читательницы восхищались красотой Карениной, ее любовными порывами и хотели на нее походить. Толстому приходили письма от обманутых жен в просьбе помочь им советом в их нелегкой семейной жизни.

Вслед за первыми восторгами последовали и негативные оценки. Так, без всяких объяснений П. Н. Ткачев, М. А. Антонович, Н. В. Успенский, А. М. Скабичевский осудили произведение Л. Н. Толстого [См.: там же, с. 17, 18]. При первом чтении роман, еще не опубликованный целиком, разочаровал И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, В. В. Стасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Тургенев в 1875 году писал, что «пока – это манерно и мелко, – и даже (страшно сказать!) скучно» [Цит. по: там же]. Салтыков-Щедрин определял роман, как «построенный на одних половых побуждениях» [Цит. по: там же, с. 19]. П. Н. Ткачев, известный деятель народничества и литературный кри-

тик (псевдоним Никитин), также утверждал, что Толстого дальше половых личных отношений ничего не интересует [См.: там же, с. 20]. Другой народнический критик А. М. Скабичевский назвал первые части «Анны Карениной» «идиллией детских пеленок», «мелодраматической дребеденью в духе *старых французских романов*» [Цит. по: там же, с. 25. Курсив наш. — И. Б.].

Известный художественный критик В. В. Стасов после первой публикации романа утверждал, что Толстой «пустил весь громадный талант на изображение любви» [Горная, 1979, с. 25]. В письме от 11 апреля 1875 года И. С. Тургеневу Стасов писал: «А что Вы скажете, Иван Сергеевич, про „Анну Каренину“? Ведь жидко и слабо, другими словами — плоховато! И такое здесь [в Петербурге — И. Б.] едва ли не всеобщее мнение. Нельзя, конечно, не любоваться на талантливость многих подробностей, но не те теперь времена пришли, чтобы по-старинному радоваться, как бывало 20—30 лет назад, только на талантливость автора и красоту формы. Нет, наша уже русская публика сильно выросла... в отношении к литературе, и никакой талантливостью не удержишь ее все только на одних „амурах“ и нежных чувствах кавалеров и дам. Изумителен, право, этот Лев Толстой: такой громадный талант скульптурной работы — и рисунок, и лепка, и типы, и красота — все есть у него во власти — и вечно из этого всего лепит такой вздор или мелочи! Знаете ли, общее мнение против Толстого так сильно в настоящую минуту... что если и весь остальной роман такой же будет, никто не купит этого романа отдельных томов. Все жалуются» [Цит. по: Гусев, 1963, с. 418]. Позже многие писатели и критики изменили свое первоначально поверхностное и несправедливое мнение о романе Толстого.

В. В. Стасову понадобилось два года, чтобы увидеть в «Анне Карениной» не «амуры кавалеров и дам», а такое произведение (как писал он редактору «Нового времени» в 1877 году), которое некоторыми своими сторонами стоит даже выше произведений Пушкина и Гоголя [См.: Горная, 1979, с. 18].

По сути, в своем восприятии «Анны Карениной» общество разделилось на два лагеря: демократы осуждали роман, либералы, напротив, давали ему высокую оценку. Однако и те и другие под влиянием новых политических настроений часто искажали суть романа. «Анна Каренина», как уже говорилось, печаталась в журнале «Русский вестник» – главном издании антидемократического лагеря, что сразу вызвало недовольство демократов. Одним из первых статью об «Анне Карениной» написал реакционный литератор В. Г. Авсеенко, в которой он, совершенно не поняв смысл романа и прочитав всего две его части, объявил Толстого певцом аристократического общества [См.: Горная, 1979, с. 18].

Мнение противоположное высказал Н. К. Михайловский. В своей статье «Десница и шуйца Льва Толстого» («Отечественные записки» 1875. №№ 5, 6, 7) он писал: «Понятно, что им [либералам – И. Б.] лестно пристегнуться к светлому имени. Понятно также, что им не ясен истинный характер воззрений гр. Толстого на радости и забавы “культурных слоев общества”»; «Эти несчастные не подозревают, что для гр. Толстого “требования народа от искусства законнее требований испорченного меньшинства так называемого образованного класса”»; эти несчастные не понимают, что то, что им нравится в гр. Толстом, есть только его шуйца, печальное уклонение, невольная дань “культурному обществу”, к которому он принадлежит» [Михайловский, 1957, с. 94, 121].

Такое «разногласие» и обилие противоречивых отзывов, возможно, было связано с тем, что 1870-е годы – время подъема освободительного движения. Самыми острыми и обсуждаемыми темами в обществе были темы политические, а тут роман, который начинается с любовного треугольника... Увлеченность политическим процессом не позволила многим читателям и критикам добраться до истинной сути произведения Толстого.

В 1877 году М. Н. Катков отказался печатать последнюю, восьмую часть «Анны Карениной». Вероятно, полагают современные исследователи, этот отказ был связан с несовпадением точек зрения Толстого и редактора «Русского вестника» на участие России в войне при Балканах, куда, как мы помним, в фи-

нале романа едет Вронский. Толстой смотрел на войну с точки зрения своих религиозных убеждений, и, хотя он еще не был абсолютным пацифистом, не видел смысла участия России в Сербской войне. М. Н. Катков же был подвержен преобладающим настроениям в стране и открыто противился позиции писателя. Поссорившись с Толстым, Катков отказался печатать восьмую часть романа, полагая, что со смертью главной героини роман должен закончиться. Он не считал нужным входить в тонкости Толстого или Левина, которого называл «несносным спорщиком». Не снисходил он и до подробностей полемики с автором «Анны Карениной». Вместо спора с писателем Катков ограничился лишь указанием на «непрочность» переживаемого автором «Анны Карениной» перелома [См. подробнее об этом: Бабаев, 1993, с. 128. Курсив наш. – И. Б.]. В ближайшем окружении Л. Н. Толстого выражалось несогласие с позицией Каткова.

Негодование по этому поводу выразил Н. Н. Страхов в своем письме писателю от 11 августа 1877 года. Он был возмущен тем, что М. Н. Катков грубейшим образом пересказал восьмую часть «Анны Карениной» в «Русском вестнике» (1877. №7): «О чем только он хлопочет? – объясните мне, бесценный Лев Николаевич. Этакая грязь! Заметьте: 1) Он рассказал все, кроме сцен с ребенком. 2) Он упирает на то, что *главный предмет романа – Анна*. 3) Он недобросовестнейшим образом комкает и осмеивает размышления Левина. Зачем же?» [Страхов, 2003, с. 101. Курсив наш. – И. Б.]. Из письма следует, что Страхов видит в романе не одного, а двух главных героев – Каренину и Левина и полагает, что осмеивать философские размышления последнего означает – осмеивать размышления самого Толстого.

А. А. Фет в своей статье «Что случилось по смерти Анны Карениной в “Русском вестнике”», опубликованной под псевдонимом Бологов, писал: «Мы совершенно согласны с автором статьи “Русского вестника” Катковым, что со смертью Карениной кончилась ее жизнь, но *чтобы с нею кончился и роман, — с этим мы согласиться не можем*» [Фет, 1939, XXXVIII, с. 231. Курсив наш. – И. Б.]. До этого, как статья была написана (примерно к 23 августа 1877 г.), А.

А. Фет написал письмо Толстому (3 августа 1877 г.): «Третьего дня, тотчас по приезде, прочел я жене эпилог Карениной, и тысячи мыслей зароились и зажужжали в моем старом дупле. Какой яркий, ослепительный ревербер поставлен в конце романа, и все-таки дураки не увидят его, хотя, на мои глаза, он чересчур ярк. А они, дураки, видят полемику против войны и, по своей милой замашке, сочтут, что все введено только для этой полемики. — Но к черту дураков! — В “Русском вестнике” есть объявление: о том, что произошло со смерти Карениной. Любопытно! Но понимают ли эти мудрецы, что *Каренина без эпилога не корова без хвоста, а змея без хвоста, т. е. без необходимой части организма, без чего она неполна и непонятна?*» [Цит. по: Покровская, 1939, XXXVIII, с. 226. Курсив наш. – И. Б.].

Восьмая часть так и не была опубликована в журнале Каткова. Она была издана отдельной книгой в том же 1877 году. Полное же издание романа вышло лишь через год.

Публикация «Анны Карениной» в полном объеме побудила многих писателей и критиков изменить свое первоначально поверхностное и несправедливое мнение о романе Толстого, что вызвало новую волну откликов. Так, Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» писал: «”Анна Каренина” есть совершенство как художественное произведение, подвернувшееся как раз кстати, и такое, с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху не может сравниться» [Достоевский, 1995, XIV, с. 235]. Писателя захватила нравственная проблематика романа.

И. А. Гончаров отмечал мастерство Толстого в изображении различных слоев населения: «Он [Толстой – И. Б.] накладывает, — как птицелов сеть, — огромную рамку на людскую толпу, от верхнего слоя до нижнего, и ничто из того, что попадает в эту рамку, не ускользнет от его взгляда, анализа и кисти» [Цит. по: Цейтлин, 1950, с. 405].

Зарубежные современники Льва Толстого тоже отмечали его талант как художника. Уже в начале 80-х годов роман пересек границы России и был переведен на чешский, немецкий, французский, английский, итальянский, испан-

ский, датский и голландские языки. Во Франции, где началась широкая международная известность Толстого, перевод «Анны Карениной» был сразу замечен. О нем появились положительные отзывы. «Умоляю Вас: прочтите „Анну Каренину“», — обращался к читателям известный французский критик Франсуа Сарсэй, сравнивавшего Толстого с Бальзаком и Стендалем [См.: Григорьев, 1970, с. 857, 860, 864]. Шекспировской силой «Войны и мира» и «Анны Карениной» был поражен Эрнест Дюпюи. Он восхищался реализмом Толстого и глубокой человечностью мастерства Л. Н. Толстого [См.: Гусев, 1963, с. 422].

Однако приведенные выше суждения не означают, что после полной публикации романа он был безоговорочно принят читателями. Так, И. С. Тургенев, отдавая, наконец, должное мастерству Толстого, все же отмечал хаотичность и отсутствие стройности в романе: «Это совсем не роман, это просто какие-то небрежные наброски»; «Ни “Война и мир”, ни “Анна Каренина” при всем гении Толстого не оставляют цельного впечатления о целой вещи» [Цит. по: там же]. Отсутствие «стройности» заметил и критик В. Г. Авсеенко: «Вопросы о внутреннем содержании, о соразмерности плана, о стройности концепции, об экономии подробностей, — все это как-то само собою исчезает, как скоро отдаешься свободному, неправильному, часто весьма капризному течению романа» [Цит. по: там же, с. 388]. Но при этом критик не указывает, в чем конкретно проявляются недостатки структуры произведения, ссылаясь на их невидимость из-за излишних описаний в романе.

В 1878 году известный публицист и литературный критик П. Н. Ткачев в своей статье «Салонное художество» дал еще более резкую оценку «Анне Карениной», даже отказав ей в праве называться романом: «Это не более как сборник протоколов человеческих деяний, коллекция фотографических снимков. Коллекция эта составлялась, очевидно, совершенно случайно, без всякого общего плана, без всякой осмысленной идеи. Фотографист не брезгал ничем; ему было решительно все равно, что бы они ни изображали: красивую ли лошадь или красивую женщину, обед в московском дворянском клубе или скачку с препятствиями, обряд венчания или какую-нибудь картину из сельской жизни».

ни, муки беременной женщины или охоту на вальдшнепов и т. д.» [Цит. по: там же, с. 412]. Из критического высказывания Ткачева ясно, что он совсем не понял смысла романа, назвав его «коллекцией фотографических снимков», а его автора - «фотографистом». А Н. В. Успенский, посетивший Толстого в Москве, в беседе с ним категорично назвал роман отсталым и «ретроградским». На вопрос Толстого: «Что ж я проповедую в своем романе?» - последовал ответ Успенского: «Жена да убоится своего мужа» [См.: Успенский, 1889, с. 94].

Профессор Дм. Овсяннико-Куликовский увидел в произведении художественное исследование жизни русского дворянства в пореформенной России. Он писал, что в «Анне Карениной» «Толстой создал единственный в своем роде “человеческий документ”, дал исчерпывающее психологическое и бытовое исследование, наглядно показал, что время Болконских и Безуховых прошло и не вернется и настало время Вронских и Облонских, в которых отразилось разложение аристократической психологической формы после реформы 60-х годов» [Цит. по: Горная, 1979, с. 33]. Однако Овсяннико-Куликовский не смог понять всего, что было вложено Толстым в этот роман. Он причислил его к произведениям, в которых прочувствованно изображается жизнь высшего общества, и совершенно не заметил в нем широкой картины жизни всего русского общества, не понял значения образа Левина, смысла его духовных исканий.

В это же время английские критики, в частности Генри Джеймс, находил романы Толстого, в том числе и «Анну Каренину», «бесформенными», «рыхлыми», «хаотичными» [См.: там же, с. 41]. В «Войне и мире» и «Анне Карениной» Поля Бурже («Ошибки Толстого», 1910) смутило полное несоответствие требованиям, предъявляемым «классической риторикой» к «композиции», основанной на подчинении второстепенных частей главным, что приводило, по его мнению, к «глубокому нарушению» «равновесия», художественной гармонии целого. В доказательство «бесформенности» обоих романов он сравнивал манеру письма Толстого с техникой кинематографа, в котором на экране без всякого плана, в одинаковом освещении чередуются равнозначные для автора картины вплоть до всяких мелочей. Истинный смысл этого «полного отсутст-

вия порядка» в романах Толстого Бурже усмотрел в том, что в них заложено мятежное анархическое отрицание всех устоев: «отрицание общества, традиций, науки, искусства» [Цит. по: Григорьев, 1970, с. 860].

Французский писатель и историк литературы Эжен-Мелькиор де М. Вогюэ, автор книги «Русский роман» (1886), в главе «Нигилизм и мистицизм. Л. Н. Толстой», восхищаясь романом Толстого и даже делая верный вывод о том, что его нельзя отнести к нравоучительной литературе (о чем нередко заявляла русская критика), истолковал, тем не менее, смысл романа как утверждение милосердия и христианского всепрощения [См.: Горная, 1979, с. 41]. В «Анне Карениной» Вогюэ отметил ряд недостатков: несоблюдение симметрии и многочисленные длинноты, ненужные, затянутые, фотографически точные (вспомним суждения П. Н. Ткачева) описания (к ним он отнес главы об охоте и о красносельских скачках). Он видел в «Анне Карениной» лишь очередной семейный роман и не понимал, зачем в него включены размышления о земле и путях развития России. Но самый главный и непростительный недостаток романов Толстого, с его точки зрения, их тяжелый язык, «отсутствие стиля» [См.: Григорьев, 1970, с. 858].

Эмиль Эннекен в своей книге «Ecrivains francisés» [«Офранцуженные писатели» - И. Б.] (1889) относил Толстого к великим реалистам. Но наряду с этим он писал об «Анне Карениной»: «Левин и его жена, Каренин, Анна, Вронский, князь Облонский, княгиня Долли, семья Щербацких, друзья и подруги всех этих людей, дети, слуги, крестьяне делают роман Толстого запутанным и сбивчивым, переполненным и затемненным художественным произведением, нарушающим все правила единства и выразительности» [Цит. по: там же, с. 859].

Знаменательная веха в истории изучения русской литературы в Англии — статья Метью Арнольда «Граф Лев Толстой» (1887). Несмотря на исключительно высокую оценку «Анны Карениной», в критических суждениях Арнольда о романе, тем не менее, очень отчетливо проявляется власть литературных традиций и вызываемое ими неумение осмыслить художественное но-

ваторство Толстого, новизну его мастерства как создателя романа нового типа. В «Анне Карениной», по его мнению, «нет стиля», о чем писал и М. Вогюэ [См. об этом: Григорьев, 1970, с. 863].

Вместе с тем Мэтью Арнольд точно охарактеризовал роман Л. Н. Толстого как произведение, *«ломающее рамки и схемы традиционного семейного романа»*: «В классическом семейном романе Анна должна была умереть, Вронский покончить жизнь самоубийством, а Каренин остаться жить, заслужив наше восхищение и симпатию. Но в жизни любовная история так не кончается, не кончилась она так и в романе» [Цит. по: Горная, 1979, с. 41, 42. Курсив наш. – И. Б.].

Таким образом, читатели и критики не сразу пришли к пониманию «вседневности» содержания романа Толстого, его созвучности эпохе 70-х годов. Что же касается идейно-философского замысла писателя, обусловившего необходимость введения второго главного героя – Левина, что значительно усложнило художественную структуру романа, то он не был понят современниками.

2.2. Споры о значении образа Константина Левина в романе

Читатели постепенно шли к постижению идейно-художественного смысла «Анны Карениной». Некоторые, размышляя над смыслом романа «Анна Каренина», пытались «уложить» его в некое краткое высказывание. Кто-то видел этот смысл в отрицании свободы чувств и женской эмансипации, кто-то - в противопоставлении города и деревни, а кто-то - в прославлении природной жизни и т.д. [См. об этом: там же, с. 25]. Но Толстой лишь с иронией реагировал на попытки такого рода. Смысл, вложенный в роман, никак нельзя было выразить каким-то одним ясным для всех словосочетанием.

Предстояло понять, как именно происходит «сцепление» мыслей в романе, как сопрягаются сюжетные линии, связанные с судьбами разных героев и, следовательно, какое место занимает в романе Левин, фигуру которого перво-

начально заслонял яркий образ главной героини Анны Карениной. Заметив, наконец, важность образа Левина в романе, современники по-разному его истолковывали.

С точки зрения К. Н. Леонтьева, религиозного философа и писателя, в образе Левина заметно чрезмерное поклонение мужику, за что он осудил Толстого [См.: Горная, 1979, с. 29]. Леонтьев не в Левине, а в *Алексее Вронском* увидел личность, которая «*нужнее и дороже России, чем сам Толстой*» [Цит. по: там же, с. 31. Курсив наш. – И. Б.]. Об этом же, кстати, писал критик В. П. Мещерский, выделяя в качестве главного героя Вронского, и уверяя, что именно он сможет «вывести крамолу из родного края» [Цит. по: там же].

Представление об автобиографичности образа Константина Левина как-то сразу сформировалось у читателей. Образ Левина, который, будучи дворянином, наравне с народом убирает сено, косит траву, современники прямо соотносили с самим автором, о чем мы уже писали выше. Сделаем необходимые, с нашей точки зрения, дополнения.

Близкие Толстого, знакомые его и семьи сразу узнали в Константине Левине его прототип — самого автора, приняв образ с существенной поправкой: имеется в виду Толстой-человек, а не Толстой-писатель. Так, жена Л. Н. Толстого, Софья Андреевна (в девичестве Берс), знавшая его еще в молодости, писала в своих «Воспоминаниях»: «Что же касается до периода женитьбы и после нее, мне известно, что в исповеди Левина в романе “Анна Каренина” описана его собственная исповедь перед свадьбой в сентябре 1862 года. Нет сомнения, что в Левине Лев Николаевич описывал самого себя, но это справедливо лишь и незначительной степени, потому что в Левине изображены некоторые черты его. Сам он высказывал по этому поводу, что выставил Левина простачком, чтобы и этого было достаточно для наглядного сравнения хорошей жизни с безобразием светской жизни в Москве и Петербурге» [Берс, 1978, I, с. 182, 185].

Н. И. Шатилов знаменитый разговор Левина с крестьянином приравнивает к его собственному разговору с Л. Н. Толстым: «В появившихся впоследст-

вии главах продолжения “Анны Карениной” разговор Левина с крестьянином, в котором последний высказывает обуреваемому сомнениями Левину простоту своих религиозных воззрений, заставивших Левина изменить свой прежний образ мыслей, очень напомнил мне наш разговор с графом, изменившим вскоре после этого и свое отношение к церкви» [См.: Шатилов, 1978, I, с. 250].

Не только идентичность поступков и слов, но и соответствие душевных мучений Левина и самого автора отметил и Н. К. Михайловский: «В душевной истории Константина Левина, — гр. Толстой дал нам ряд отражений драмы, которую он когда-то сильно и глубоко переживал, и которая теперь благополучно кончилась» [Михайловский, 1952, с. 313]. Несомненное сходство отмечал и сын писателя С. Л. Толстой: «Энергичная, сильная, некрасивая фигура Левина, его парадоксы, его склонность восставать против общепризнанных авторитетов, его искренность, отрицательное отношение к земству и суду, увлечение хозяйством, отношения с крестьянами, разочарование в науке, обращение к вере и многое другое... все это может быть с полным правом отнесено к самому Толстому» [Толстой С. Л., 1939, XXXVIII, с. 571]. Но, продолжает далее Сергей Львович, «это как бы плохой фотографический портрет Льва Николаевича 70-х годов. Но так же, как фотография улавливает лишь один момент изображаемого лица, так в переживаниях Левина отобразился лишь один период жизни Толстого. И в этой фотографии нет главного, что отличает Толстого от Левина, — нет творчества Толстого» [Там же. Курсив наш. – И. Б.].

Об автобиографичности образа Левина говорил и Ф. М. Достоевский, отметивший вместе с тем и ее условность. В «Дневнике писателя» от 1877 года Достоевский пишет: «Утверждают многие, и даже я сам ясно вижу, что в лице Левина автор во многом выражает свои собственные убеждения и взгляды, влагая их в уста Левина чуть не насильно и даже явно жертвуя иногда при том художественностью, но *лицо самого Левина*, так, как изобразил его автор, я всё же с *лицом самого автора отнюдь не смешиваю*» [Достоевский, 1995, XIV, с. 228. Курсив наш. – И. Б.].

Очевидным становилось в критике, отзывах современников, что образ Левина всё больше и больше приковывал к себе внимание. Всё более заметным становится стремление понять, для чего Толстому понадобился этот образ в романе, какую функцию он, по замыслу автора, выполняет.

В 1876 году в газете «Молва» появилась статья анонимного автора, где говорилось о последних главах третьей части романа, посвященных Левину: «Тут опять граф Толстой выразил в беллетристических образах свои давнишние мысли; давнишнее направление своего анализа, живущее в нем желание найти какой-нибудь здоровый исход в вопросе сближения с народом, в вопросе единения интересов культурного слоя и народной массы» [Цит. по: Гусев, 1963, с. 392]. В газете «Гражданин» другой анонимный критик писал: «Мы не можем обойти молчанием замечательную типическую личность помещика Левина, вполне преданного рациональному устройству своего хозяйства и искренно любящего народ, но, несмотря на то, постоянно обрывающегося в своих гуманных и серьезно задуманных затеях...». «Вместе с тем, - продолжает критик, делая важное умозаключение, - личность помещика Левина выступает весьма рельефно в романе, и вообще должно заметить, что эта сторона в новом произведении графа Толстого привлекает к себе едва ли не большее внимание, чем главная интрига между Анной Карениной и Вронским» [Цит. по: там же].

Н. Н. Страхов одним из первых отметил подлинную современность романа, отразившего характерные процессы русской общественной жизни эпохи «умственного брожения»: это, прежде всего, *«общий душевный хаос, господствующий во всех слоях, кроме самого нижнего»* [Страхов, 1984, с. 402. Курсив наш. – И. Б.]. «Наилучший представитель этого брожения, имеющий на своей стороне все симпатии автора, есть Константин Левин, вечно умствующий о самых общих вопросах и не принимающий ходячих решений. Конечно, это расположение к умствованию есть чисто русская черта... Но роман изображает нам не умствования, а жизнь Левина, даже самый полный расцвет его жизни, и автор именно хотел нам показать, как *возникают* мысли Левина из событий его жизни, из неотразимых чувств его сердца», - писал Н. Н. Страхов в своей ста-

тье «Взгляд на текущую литературу» за 1883 год [Страхов, 1984, с. 404. Курсив наш. – И. Б.].

Страхов, будучи другом Толстого, глубже других современников проникнул в замысел Толстого. Говоря об отражении в «Анне Карениной» эпохи «умственного брожения» и называя Левина «наилучшим представителем этого брожения», на стороне которого «все симпатии автора», Страхов подчеркивает значимость Левина в романе и, соответственно, важность в его художественной структуре сюжетной линии, с этим героем связанной. Отслеживая реакции на роман, критик писал автору, например, в письме от 8 сентября 1877 года: «Появились, наконец, отзывы об 8-й части. 1) В “Новом времени” статья Ореста Миллера, очень глупая, — упрекает Вас в барской изнеженности и любви к покою. 2) В “Голосе” какого-то IV. — без гнева и с эстетической точки зрения. Критик изумляется, что Вы *все размазываете* (в целом романе) *о каком-то Левине*, тогда как следует говорить об одном лишь прелестном создании, Анне Карениной. 3) В “Русском мире” — там обиделись за полководцев без армии и тоже говорят о Вашем пристрастии к сибаритству. 4) В “Отечественных записках” указывают на то, что *Левин* (по их мнению, *самое интересное лицо*) сначала, по-видимому, признавал свой *долг* народу, но потом спокойно примирился со своим положением эксплуататора» [Страхов, 2003, с. 363. Курсив автора. – И. Б.].

Вместе с постепенным признанием важности образа Левина в романе все же довольно устойчивой в современной критике оставалась мысль о том, что левинская сюжетная линия недостаточно гармонично сочетается с сюжетной линией Анны Карениной. Более того, некоторые критики, как, например, В. В. Чуйко («Голос», 1875), говорили о «левинских» главах как об «ошибке», вредящей интересу романа» [См. об этом: Ищук, 1978, с. 25]. Н. К. Михайловский утверждал, что «история Константина Левина» «насильственно вставлена в историю Анны Карениной»: «Гр. Толстой далеко не отрезал себя от своего прошлого. И граф, со своею чуткою совестью и пытливым умом, сам сознавал это. Поэтому-то в историю Анны Карениной и вплелась другая,

совершенно самостоятельная и насильственно вставленная в ту же рамку история Константина Левина. Поэтому-то Константин Левин так хочет и так не может жить общею с народом жизнью. Левин - тот же Оленин, а “Анна Каренина” написана слишком двадцать лет после “Казачков”, и, значит, гр. Толстой через двадцать слишком лет вернулся к своей исходной точке» [Михайловский, 1900, I, с. 210].

Вспомним, что Ф. М. Достоевский воспринял первые главы «Анны Карениной» негативно, но позже он изменил свое мнение и одним из первых сделал вывод о совершенной структуре романа [См. об этом: Горная, 1979, с. 24]. Однако Левин, по мнению Достоевского, – не «новинка» в русской литературе, Толстой даже «запоздал» со своим героем: «Взгляд его [Левина – И. Б.], впрочем, вовсе не нов и не оригинален. Он слишком бы пригодился и пришелся по вкусу многим, почти так же думавшим людям прошлой зимой у нас в Петербурге... а потому и жаль, что книжка несколько запоздала» [Достоевский, 1995, XIV, с. 227]. Однако все же, по мнению Достоевского, Левин, вероятно, – главный герой «Анны Карениной», который выражает то положительное, которое утратили другие герои романа. «Он мучается вековыми вопросами человечества: о боге, о вечной жизни, о добре и зле и проч. Он мучается тем, что он не верующий и что не может успокоиться на том, на чем все успокаиваются, то есть на интересе, на обожании собственной личности или собственных идолов, на самолюбии и проч. Признак великодушия, не правда ли? Но от Левина и ожидать нельзя было меньше» [Там же, с. 238].

Если Достоевский воспринимал Левина как несколько «запоздавшего» героя, то М. Горький считал, что Толстой изображает одного и того же героя, который переходит из произведения в произведение. Отличие проявляется лишь в имени героя и в том жизненном опыте, которым награждает его автор, поэтому критики и читатели не задерживают взгляд на, якобы, «знакомой» фигуре. «В промежутке между созданием Каратаева и Акима Толстой написал другую великолепную книгу свою — “Анну Каренину”. В этой книге Нехлюдов является под именем Левина. Левин живет в деревне, учит детей крестьян-

ских, работает в земстве, охотится, но ничто его не удовлетворяет, и, наконец, он чувствует, что ему просто “нечем жить”, совершенно нечем!» [Горький, 1952, с. 497].

Но даже и в том случае, когда признавалась значимость в художественной структуре романа образа Левина, не вполне ясно было критикам, как же связываются между собой две сюжетные линии в романе. Подтверждением этого является письмо известного педагога, профессора С. А. Рачинского, который в 1878 году писал Толстому об «Анне Карениной»: «Последняя часть произвела впечатление охлаждающее, не потому, чтобы она была слабее других (напротив, она исполнена глубины и тонкости), но по коренному недостатку в построении всего романа. *В нем нет архитектуры. В нем (т. е. в романе) развиваются рядом и развиваются великолепно две темы, ничем между собою не связанные.* Как обрадовался я знакомству Левина с Анной Карениной. Согласитесь, что это один из лучших эпизодов романа. Тут представлялся случай связать все нити рассказа и обеспечить за ними целостный финал. Вы не захотели — бог с вами. “Анна Каренина” — все-таки остается лучшим из современных романов, а вы первым из современных писателей» [Цит. по: Бабаев, 1978, с. 113. Курсив наш. — И. Б.].

В ответ на письмо критика Толстой пишет: «Суждение ваше об “Анне Карениной” мне кажется неверно. *Я горжусь, напротив, архитектурой — своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок.* И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на *внутренней связи.* Поверьте, что это не нежелание принять осуждение — особенно от вас, мнение которого всегда слишком снисходительно; но боюсь, что, пробежав роман, вы не заметили его внутреннего содержания. Я бы не спорил с тем, который бы сказал, *que me veut cette sonate* [какое мне дело до этой сонаты - И. Б.], но если вы уже хотите говорить о недостатке связи, то я не могу не сказать — *верно вы ее не там ищете*, или мы иначе понимаем связь; но то, что я разумею под связью, — то самое, что для меня делало это дело значительным, — эта связь там есть — посмотрите — вы найдете. Пожалуйста, не

думайте, чтобы я был щекотлив — право, не от этого пишу, а оттого, что, получив ваше письмо, все это подумалось мне и хотелось сказать вам. А первое движение est le bon [самое лучшее – И. Б.]» [Толстой, 1984, XVIII, с. 819. Курсив наш. – И. Б.].

Итак, современники, не сразу увидев особенность сюжетно-композиционной организации романа, так и не поняли замысел Толстого. Для чего Толстой вводит в роман две сюжетные линии, соотнесенные с двумя главными героями, где этот «замок», соединяющий их, на чем основана «внутренняя связь» «постройки» романа, каково идейно-композиционное значение образа Левина – вот вопросы, над которыми нам предстоит размышлять далее.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТОСТРОЕНИЯ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА»

Как мы увидели, многие современники Л. Н. Толстого не сразу поняли особенности художественной организации романа «Анна Каренина». Воспри-

нимая произведение в жанровой традиции семейного романа, читатели и критики отмечали рыхлость композиции «Анны Карениной», разъединенность главных сюжетных линий – Анны и Левина, развивающихся, как будто бы, совершенно самостоятельно, независимо друг от друга.

В литературоведении значение термина «сюжет» понимается примерно одинаково разными исследователями. Так, по мнению А. В. Чичерина, «сюжет разгадывает внутреннюю логику бытия, связи, находит причины и следствия» [Чичерин, 1965, с. 11]. То есть, в понимании исследователя, сюжет выступает как цепь действий, событий, поступков. Такое же представление о сюжете зафиксировано в Литературном энциклопедическом словаре: «Сюжет (от франц. *sujet* – предмет), *развитие действия, ход событий* в повествоват. и драматич. произведениях, иногда и в лирических» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 431. Курсив наш. – И. Б.]. Сходное, но уже более развернутое определение сюжета дает В. Е. Хализев: «Словом “сюжет” (от фр. *sujet*) обозначается *цепь событий*, воссозданная в литературном произведении, т.е. жизнь персонажей в ее пространственно-временных изменениях, в сменяющих друг друга положениях и обстоятельствах. Изображаемые писателями события составляют (наряду с персонажами) основу предметного мира произведения. Сюжет является организующим началом жанров драматических, эпических и лиро-эпических. Он может быть значимым и в лирическом роде литературы (хотя, как правило, здесь он скупо детализирован, предельно компактен)» [Хализев, 2002, с. 249. Курсив наш. – И. Б.].

В своей работе мы исходим из понимания сюжета, предложенного в учебном пособии Н. Л. Лейдермана и Н. В. Барковской, которое кажется нам более точным: «Сюжет – *последовательность событий, в которых развивается конфликт*. Элементы сюжета: экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка» [Лейдерман, Барковская, 2003, с. 68. Курсив наш. – И. Б.]. Здесь возникает проблема соотношения сюжета и фабулы, которая по-разному решается в литературоведении. Так, представители формальной школы полагали, что «фабула – развитие событий, сюжет – как “сделан” об этом рассказ»

[См.: там же, с. 68]. Нам близка та трактовка понятий «сюжет» и «фабула», которое дается в названном выше пособии: если сюжет как «последовательность событий» есть, по сути, развитие конфликта, то фабула – порядок и способ сообщения о сюжете (*повествование о ходе событий*)» [См.: там же. Курсив наш. – И. Б.].

Каковы же особенности сюжетостроения романа, как соотносятся друг с другом его основные сюжетные линии, где тот внутренний «замок», о котором писал Толстой в письме С. А. Рачинскому? Для того чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим каждую из сюжетных линий романа.

3.1. Сюжетная линия Анны Карениной

Роман, в заглавие которого вынесено имя главной героини, начинается отнюдь не с ее появления. Первая фраза первой главы, ставшая афоризмом, имеет всеобщий характер: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [Здесь и далее цит. по: Толстой, 1970, с. 3. (с указанием страниц в тексте работы)]. Это своеобразное «философское вступление» к роману (Э. Г. Бабаев): семейный разлад выступает как выражение общего кризиса, переживаемого русским обществом. Сразу возникает антитеза «счастье» и «несчастье». Следующая далее фраза «Все смешалось в доме Облонских», с одной стороны, сохраняет свойственный началу романа обобщенный смысл, о котором напомним потом известные слова главного героя романа – Левина («У нас все... перевернулось и только укладывается»), а с другой - проблема «счастье/несчастье» конкретизируется: несчастье случилось пока не в жизни главной героини, а в семье ее брата – Стивы Облонского. По нашему мнению, это можно определить как своего рода «короткометражную» экспозицию всего романа, имеющую отношение к обеим его сюжетным линиям.

Завязка сюжетной линии Анны Карениной начинается лишь с XVII - XVIII глав первой части, когда она прибывает в Москву с целью уладить раз-

лад в семье брата – Стивы Облонского. На вокзале происходит ее знакомство с графом Алексеем Вронским, который встречает свою мать, ехавшую в том же поезде, что и Анна. Встреча станет роковой не только для Вронского, но и, прежде всего, для Анны: «Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что мимо ее воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в чуть заметной улыбке» (с. 64). И это «что-то» есть не что иное как страсть, которая вспыхивает, подобно искре, между героями.

Вместе с тем внезапно вспыхнувшая страсть сразу же сопровождается «дурным предзнаменованием», которым становится гибель сторожа, раздавленного поездом. Так, с самого начала романа возникает ощущение гибельности пути, который изберет Анна в своем стремлении к счастью. «Ощущение ужаса перед чем-то *страшным, железным, механически беспощадным*, что должно погубить ее, возникает в сознании Анны в первый момент появления ее в романе, когда, приехав в Москву и не успев еще покинуть вагон, она узнает, что тот самый поезд, на котором она ехала, раздавил *человека* — железнодорожного сторожа. Потом ей часто снился мужичок, работающий над *железом*, — и это железо казалось ей предзнаменованием ее трагической гибели» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 542. Курсив авторов. – И. Б.]. Но «выбор был уже сделан, - пишут Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская, - простые и глубокие человеческие чувства брали верх над всеми остальными, и Анна, не желая думать об этом, неуклонно шла навстречу своему счастью и своей гибели» [Там же, с. 523].

Вторая встреча с Вронским в доме Облонских было неожиданной для Карениной: «Странное чувство удовольствия и вместе страха чего-то вдруг шевельнулось у нее в сердце» (с. 78). Этот постоянный страх будет сопровождать Каренину на протяжении всей ее дальнейшей жизни. Уже с первых взглядов и прикосновений рук ей показалось, что это знакомство «странно и нехорошо» (с. 79).

Встреча Анны и Кити также играет важную роль в дальнейшем развитии сюжетной линии. Анна невольно оказывается разлучницей, даже не подозревая этого. Влюбленная в Алексея Вронского Кити становится свидетелем зарождения «преступной связи» между Анной и графом. Сцена на балу, сближающая героев, отмечена оттенком греховности, наваждения, граничащего с чем-то дьявольским (что ощущается уже в облике Анны: *черное бархатное платье, ее черные кудри и сверкающие глаза*). Эта печать греховности, дьявольщины была сильнее выражена в черновых набросках романа: «В душе ее [Анны – И. Б.] “*дьявольский блеск*” и решимость ни перед чем не останавливаться»; «в ответ на вопросы она [Анна – И. Б.] отделяется ничего не значащими фразами и со счастливым, спокойным, “*дьявольским*» *лицом* целует мужа в лоб» [Цит. по: Гудзий, 1939, XXXV – XXXVI, с. 402. Курсив наш. – И. Б.]. Кити, любясь Анной, одновременно видела, «что-то ужасное и жестокое в ее прелести» (с. 86. Курсив наш. – И. Б.).

Любовная игра, начавшаяся на вокзале, продолжалась здесь, на балу. Бал становится отправной точкой перемен, которые происходят в Анне. Она становится «странной», не такой, как в день приезда, и это замечают все домашние. Еще день назад ее так тянуло к сыну (прежде она с трудом переживала разлуку с ним даже на несколько дней: «К десяти часам, когда она обыкновенно прощалась с сыном и часто сама, пред тем как ехать на бал, укладывала его, ей стало грустно, что она так далеко от него; и о чем бы ни говорили, она нет-нет и возвращалась мыслью к своему кудрявому Сереже. Ей захотелось посмотреть на его карточку и поговорить о нем» (с. 78)), а теперь ей не хочется уезжать из Москвы. Фраза Анны, брошенная далее в диалоге с Долли, имеет большой смысл: «У каждого есть в душе свои *skeletons* [тайны – И. Б.], как говорят англичане» (с. 101).

Не влечение пугало Анну, а она сама, новая, совсем незнакомая, ее собственные «*skeletons*» в душе. В вагоне, спешно возвращаясь в Петербург, будто убегая от Вронского, а на самом деле от себя, она спрашивает себя: «Я сама или другая?» (с. 104). С одной стороны, она думала, что ее жизнь до встречи с

Вронским была «хорошая и привычная». Но, с другой стороны, она теперь не хотела возвращаться в эту жизнь, потому что поняла, что она была ненастоящей: «Ей [Анне – И. Б.] неприятно было следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить» (с. 103). Это желание жить неразрывно связывалось с мыслями о Вронском. Но чем больше она думала о Вронском, тем больше усиливалось в ней чувство стыда, и одновременно чувство чего-то нового, захватывающего увлекало ее в новый для нее мир.

Встреча в Петербурге с мужем ясно дает понять Анне, что она теперь другая. Незначительная и, казалось бы, такая знакомая деталь – уши мужа – теперь была отвратительна ей. Анна чувствовала себя по отношению к нему притворщицей, хотя раньше она этого не замечала. Увидев сына, Каренина испытала что-то вроде разочарования. «Она воображала его лучше, чем он был в действительности» (с. 111). «Сын напомнил ей о действительности, тогда как она находилась во власти мечты», - пишут Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 523]. То нежное чувство, которое было полностью отдано раньше сыну, теперь разделялось на двоих – Сережу и Вронского. И эта раздвоенность станет отныне источником страданий Анны: «Сердце ее раздваивалось между любовью к Вронскому и любовью к сыну» [Бабаев, 1982, с. 423].

После встречи с Вронским изменилось отношение Анны Аркадьевны не только к мужу и сыну, но и к светскому окружению. Тот кружок, в котором она ранее находила друзей, теперь «стал ей невыносим». «Ей показалось, что и она и все они притворяются» (с. 130). Это было связано с осознанием искусственности своей прежней жизни.

В свою очередь, перемена в Анне не осталась незамеченной петербургским обществом: «Анна очень переменилась со своей московской поездки. В ней есть что-то странное»; «перемена главная та, что она привезла с собою тень Алексея Вронского»; «женщины с тенью обыкновенно дурно кончают» (с. 138). То светское общество, к которому принадлежала Анна, теперь, наконец, было радо уличить ее в самом непростительном преступлении – измене мужу.

«Они ждали только подтверждения оборота общественного мнения, чтоб обрушиться на нее всею тяжестью своего презрения. Они приготавливали уже те комки грязи, которыми они бросят в нее, когда придет время» (с. 177). И это время не заставило себя ждать: сцена офицерских скачек, в которых участвовал Вронский, становится одной из важнейших в сюжетной линии Анны, развивающейся стремительно, с нарастанием драматического напряжения.

Поворотным становится свидание Анны и Вронского перед скачками. Вронский, узнав о беременности Анны, предлагает ей развестись с мужем. «Развод Анны с Карениным, думал Вронский, положит конец всей неясности, запутанности и лжи. Каренин не давал развода. Следовательно, заключал Вронский, надо было добиться его. Между тем, Анна, не была так решительно настроена, - пишут Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская. - <...> Для Анны оставить всё по-старому — значит потерять Вронского, а сделать по-новому — потерять сына» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 524]. Вот тот «гордиев узел», который так и не смогла разрубить Анна: чувство любви к Вронскому и преданности сыну разрывало ее изнутри.

Взгляд Анны, устремленный во время скачек только на Вронского и громкий вздох при его падении с лошади дали обществу неопровержимое доказательство ее связи с графом. «В лице Анны произошла перемена, которая была уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась. Она стала биться, как пойманная птица» (с. 215). Гибель Фру-Фру, вследствие неловкого движения Вронского, справедливо полагает Э. Г. Бабаев, в символической структуре романа является «таким же дурным предзнаменованием, как смерть сцещика» [Бабаев, 1978, с. 55].

Объяснение с мужем после скачек происходит в состоянии переизбытка чувств в Анне. «Она беспрестанно повторяла: “Боже мой! Боже мой!” Но ни “боже”, ни “мой” не имели для нее никакого смысла. Мысль искать своему положению помощи в религии была для нее, несмотря на то, что она никогда не сомневалась в религии, в которой была воспитана, так же чужда, как искать помощи у самого Алексея Александровича. Она знала вперед, что помощь ре-

лигии возможна только под условием отречения от того, что составляло для нее весь смысл жизни» (с. 295). Согласимся с Э. Г. Бабаевым: «Бунт Анны Карениной был смелым и сильным. Смирение вовсе не характерно для нее. И не только перед людьми или перед законом, но и перед “высшим судьей”» [Там же, с. 101].

Вместе с тем в отношении Анны к Вронскому появилось новое разрушающее чувство – ревность. «Эти припадки ревности, в последнее время все чаще и чаще находившие на нее, ужасали его и, как он ни старался скрывать это, охлаждали его к ней, несмотря на то, что он знал, что причина ревности была любовь к нему». Вронский чувствовал, что «лучшее счастье было уже позади» (с. 366).

Предзнаменования смерти сопровождают Анну на протяжении всего романа. *Кульминацией* в сюжетной линии Анны становятся ее роды, когда ощущение смерти становится реальным не только для нее, но и для Каренина и Вронского. В этой критической ситуации Анна признается: «Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь — она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся» (с. 421). Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская дают следующую трактовку этой сцены: «... когда Анна просит прощения у Каренина, она вовсе не думает о загробной жизни. Думая о смерти, она хочет соединить то, чего не удалось ей соединить в жизни, и на минуту достигает этого. С Вронским у нее связано представление о себе как о любящей женщине, с Карениным — как о безупречной матери их сына, как о некогда верной жене. Анна хочет одновременно быть и *тою*, и *другою*» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 525. Курсив авторов. – И. Б.].

И Алексей Александрович, как истинный христианин, поддается великодушному чувству, охватившему его: «Я желал ее смерти. Но я увидел ее и простил. И счастье прощения открыло мне мою обязанность. Я простил совершенно. Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берут кафтан, и молю бога только о том, чтоб он не отнял у меня счастья прощения!»

(с. 423). Эта сцена стала потрясением и для Вронского. «Герои Толстого, - пишет в этой связи Э. Г. Бабаев, - испытывают на себе воздействие двух враждебных сил: нравственного закона добра, сострадания и прощения и властной силы — “закона общественного мнения”. Воздействие второй силы постоянно, а первая возникает лишь как прозрение, когда вдруг Анна пожалела Каренина и Вронский увидел его в новом свете — “не злым, не фальшивым, не смешным, но добрым, простым и величественным”» [Бабаев, 1982, с. 431].

Однако этот момент всеобщего великодушия был именно моментом. Оправившись от родов, Анна отказалась от развода с оставлением ей сына, на который был согласен уже теперь Каренин, потому что «она бы почувствовала себя в нравственном отношении ниже Каренина, виноватой перед ним: она сделала его несчастным, а он открывал ей дорогу к счастью. Анна же всё время думает, что ради ее счастья никто не должен приносить никаких жертв. Если бы Толстой заставил Анну взять развод в тот момент, когда муж давал ей его, - размышляют Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская, - ее судьба, начиная с этого момента, перестала бы быть типической. Это означало бы, что у Анны нашелся выход, что перед нею открылся *путь к счастью*, как она его понимала. Между тем, *этого пути у нее не было и не могло быть*» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 526. Курсив наш. – И. Б.].

Дальше действие романа в сюжетной линии Анны будет неудержимо двигаться к катастрофе, которую не может предотвратить даже путешествие героев по Европе. Оно лишь на короткое время дало Карениной ощущение счастья. Возвращение Вронского и Анны в Петербург снова позволило героине понять глубину ее трагедии, сильнейшим выражением которой является сцена свидания с сыном. Анна нарушила запрет Каренина и в день рождения Сережи пришла к нему: «Анна жадно оглядывала его; она видела, как он вырос и переменялся в ее отсутствие. Она узнавала и не узнавала его голые, такие большие теперь, ноги, выпроставшиеся из одеяла, узнавала эти похуделые щеки, эти обранные короткие завитки волос на затылке, в который она так часто целовала его. Она ощупывала все это и не могла ничего говорить; слезы душили ее» (с.

101). Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская увидели в этой сцене «высочайший акт материнской любви, не знающей никаких преград» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 542].

Свидание с сыном только усугубило душевное расстройство и состояние внутренней раздвоенности Анны. Выражение этого состояния становится отношением героини к дочери, рожденной от Вронского: она не испытывала такой же материнской любви к ней, как к Сереже. Не случайно при описании чувств Карениной к Ане Толстой не использует даже имени девочки, называя ее просто «ребенок».

Посещение Анной театра, вопреки желанию Вронского, оказывается еще одним выражением ее отчаяния: появиться в театре, на виду у всех, будто «у позорного столба», - «значило не только признать свое положение погибшей женщины, но и бросить вызов свету, то есть навсегда отречься от него» (с. 110).

И снова лишь на какое-то время отдалить неизбежную катастрофу смог переезд в Воздвиженское. Долли, посетившая Анну в имении Вронского, «была поражена тою временною красотой, которая только в минуты любви бывает на женщинах и которую она застала теперь на лице Анны. Все в ее лице было особенно привлекательно, и, казалось, она сама знала это и радовалась этому» (с. 177). Однако это было именно «временное» состояние счастья. Анну все больше мучает безразличие, как ей кажется, Вронского: «Он хочет доказать мне, что его любовь ко мне не должна мешать его свободе. Но мне не нужны доказательства, мне нужна любовь» (с. 267). «Она чувствовала, что рядом с любовью, которая связывала их, установился между ними злой дух какой-то борьбы, которого она не могла изгнать ни из его, ни, еще менее, из своего сердца» (с. 269).

Этот «злой дух борьбы» приводил в работу механизм дисгармонии. Ссоры достигли того порога, когда любовь, точнее страсть, потухла, когда с русского языка герои перешли на французский, когда с «ты» они перешли на холодное «вы». Единственным выходом для Анны становится смерть, мысли о которой все чаще и чаще приходят ей в голову: «И стыд и позор Алексея Алек-

сандровича, и Сережи, мой ужасный стыд — все спасается смертью. Умереть — и он будет раскаиваться, будет жалеть, будет любить, будет страдать за меня» (с. 307).

В последних главах 7 части изображаются мучения Анны: «Я не могу придумать положения, в котором жизнь не была бы мученьем, что все мы созданы затем, чтобы мучаться, и что мы все знаем это и все придумываем средства, как бы обмануть себя. А когда видишь правду, что же делать?» (328). Невозможность переносить страдания приводит Анну на станцию с выразительным названием Обираловка, где героиня сводит счеты с жизнью. Это *развязка* в сюжетной линии главной героини. Так трагически заканчиваются поиски любви и счастья, которые на том пути, что избрала Анна, оказываются невозможными для нее.

3.2. Сюжетная линия Константина Левина

Константин Левин появляется в романе раньше Анны Карениной. Он приезжает в Москву для того, чтобы сделать предложение Кити Щербацкой, в которую влюблен. Это *завязка* в сюжетной линии Левина.

Любовь Левина к Кити не была секундным порывом. Он долго вынашивал в себе это чувство, со студенческих лет, как маленького ребенка. «Левин был влюблен именно в дом, в семью, в особенности в женскую половину семьи Щербацких. Все члены этой семьи, в особенности женская половина, представлялись ему покрытыми какою-то таинственной, поэтической завесой, и он не только не видел в них никаких недостатков, но под этой поэтической, покрывавшею их завесой предполагал самые возвышенные чувства и всевозможные совершенства» (с. 24).

В московском светском обществе его считали более чем странным. Мало того, что он, имея землю, не ездил в земство, так он еще и наравне с мужиками занимался хозяйством: «Он же (он знал очень хорошо, каким он должен был казаться для других) был помещик, занимающийся разведением коров, стреляя

нием дупелей и постройками, то есть бездарный малый, из которого ничего не вышло, и делающий, по понятиям общества, то самое, что делают никуда не годившиеся люди» (с. 25). Но Левину было все равно, что думали о нем окружающие. Он жил лишь одним мучимым его вопросом согласится ли Кити стать его женой или нет? Это составляло смысл его жизни, занимало все его мысли. По крайней мере, именно таким предстает Левин в начале романа.

Визит к Щербацким, где решалась судьба Левина, ожидался им с трепетом и страхом. Предложение вышло скомканным, но искренним. Кити чувствовала себя с Левиным «совершенно простою и ясною», тогда как с Вронским она испытывала неловкость» (с. 49). Но Кити отказывает Левину. Отказ Левин принял не как оскорбление, а как доказательство своей ничтожности: «Да, что-то есть во мне противное, отталкивающее. И не гожусь я для других людей. Да, она должна была выбрать его [Вронского - И. Б.]. Так надо, и жаловаться мне не на кого и не за что. Виноват я сам. Какое право имел я думать, что она захочет соединить свою жизнь с моею? Кто я? И что я? Ничтожный человек, никому и ни для кого не нужный» (с. 87).

Отказ Кити, невозможность (по крайней мере, на данный момент) личного счастья заставил Левина искать смысл жизни в чем-то другом. Он окунается с головой в деревенскую жизнь: он почувствовал «себя собой и другим не хотел быть» (с. 95). Деревня открыла ему глаза на то, что, помимо его личной жизни, есть еще жизнь общая, жизнь народа. Левин, считая «переделку экономических условий вздором», вместе с тем «чувствовал несправедливость своего избытка в сравнении с бедностью народа и теперь решил про себя, что, для того чтобы чувствовать себя вполне правым, он, хотя прежде много работал и не роскошно жил, теперь будет еще больше работать и еще меньше будет позволять себе роскоши» (с. 98).

Через все «деревенские главы» сюжетной линии Левина проходит мотив поиска. «Левин упорно занимается хозяйством, он пишет книгу, пытаясь выяснить тот путь, по которому деревня должна развиваться в новых условиях. Он всё время присматривается к тому, как идет дело у других помещиков. Он ус-

танавливает как непреложный факт исторический крах дворянства. Его глубоко волнует и огорчает это обстоятельство, тем более, что за счет разорения дворянства наживаются темные дельцы... Левин мог бы еще смириться с обеднением дворянства, если бы дворянские земли попадали в руки к мужикам» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 530].

Отношение Левина к деревенской жизни, народу получают свое ясное выражение в эпизоде, посвященном приезду брата – Сергея Кознышева (ч. 3, гл. I). Между братьями складываются неловкие отношения из-за разности жизненных позиций. «Для Константина Левина деревня была место жизни, то есть радостей, страданий, труда; для Сергея Ивановича деревня была, с одной стороны, отдых от труда, с другой — полезное противоядие испорченности, которое он принимал с удовольствием и сознанием его пользы. Для Константина Левина деревня была чем хороша, что она представляла поприще для труда несомненно полезного; для Сергея Ивановича деревня была особенно хороша тем, что там можно и должно ничего не делать. Кроме того, и отношение Сергея Ивановича к народу несколько коробило Константина. Сергей Иванович говорил, что он любит и знает народ. Для Константина народ был только главный участник в общем труде, и, несмотря на все уважение и какую то кровную любовь к мужику, всосанную им, как он сам говорил, вероятно, с молоком бабы-кормилицы, он, как участник с ним в общем деле, иногда приходивший в восхищение от силы, кротости, справедливости этих людей, очень часто, когда в общем деле требовались другие качества, приходил в озлобление на народ за его беспечность, неряшливость, пьянство, ложь» (с. 244).

Левин считал себя частью народа, поэтому не приписывал народу, то есть и себе, никаких особенных качеств или недостатков. Однако «хозяйство шло в убыток (с одной стороны, было «напряженное стремление переделать все на считаемый лучшим образец», на другой же стороне, «естественный порядок вещей» (с. 329)); мужики ломали новую технику, не слушались Левина и вели себя так, как будто они знали что-то, чего не знает и не понимает он (Левин это знал и не обижался). «Надо только упорно идти к своей цели, и я добьюсь сво-

его... а работать и трудиться есть из-за чего». «Это дело не мое личное, а тут вопрос об общем благе. Все хозяйство, главное — положение всего народа, совершенно должно измениться. Вместо бедности — общее богатство, довольство; вместо вражды — согласие и связь интересов. Одним словом, революция, бескровная, но величайшая революция, сначала в маленьком кругу нашего уезда, потом губернии, России, всего мира» (с. 352).

Толстой изображает постепенное погружение Левина в народную жизнь, апофеозом которой становится сцена сенокоса на Калиновом лугу (ч. 3, гл. IV). Захваченность «общим веселым трудом», беседы со стариками, любованиe «сильной, молодой, недавно проснувшееся любовью» молодого крестьянина Ивана Парменова и его жены делают понятными для Левина слова Фоканыча о необходимости жить «для души, по правде, по-божьи», которые глубоко проникают в душу героя. Левин испытывает «чувство зависти к людям, живущим этою жизнью», и ему «в первый раз ясно пришла мысль о том, что от него зависит переменить ту столь тягостную праздную, искусственную и личную жизнь, которою он жил, на эту трудовую, чистую и общую прелестную жизнь» (с. 281). Теперь для него главным становится желание понять эту «стихийную силу» - народ, перед которым он хотел бы чувствовать себя «вполне правым».

В этих размышлениях Левина о народе, земледельческом труде, как давно установлено, отражаются мысли самого Л. Н. Толстого, который «стремился найти такое решение крестьянского вопроса, которое могло бы послужить примером для всех дворян, для самого правительства. При этом им руководила как забота об улучшении положения крестьянства, так и забота об исторической судьбе дворянства. Он хотел совместить несовместимое» [Бурсов, Опуньская, 1956, IX, с. 460]. В понимании Толстого, «народ не только играет определяющую роль в исторических событиях, он создатель жизни, творец материальных и духовных ценностей; он — основа и источник всего того, чем живет общество» [Храпченко, 1980, II, с. 169]. Еще раз подчеркнем, в «Анне Карениной» мы имеем дело с новым (в сравнении с «Войной и миром») художествен-

ным воплощением «мысли народной», которая полное свое выражение получает в нравственных исканиях Левина.

Казалось бы, столь долго желаемая женитьба на Кити должна была бы завершить искания Левина, стать счастливой кульминацией и одновременно развязкой его судьбы. «Я верю, что это было предназначено» (с. 415), - говорит Левин Кити. Они действительно «были как бы предназначены друг для друга, - пишет Э. Г. Бабаев, - и сама судьба управляла их встречами и разлуками и привела их наконец к венцу» [Бабаев, 1978, с. 22].

Однако брак оказался совсем не таким, каким представлял его себе Левин. «Левин был счастлив, но, вступив в семейную жизнь, он на каждом шагу видел, что это было совсем не то, что он воображал» (с. 45). Но разочарования направляли его мысли только в одном направлении: они теперь одно целое: «он теперь не знает, где кончается она и начинается он. Он понял это по тому мучительному чувству раздвоения, которое он испытывал в эту минуту. Он оскорбился в первую минуту, но в ту же секунду он почувствовал, что он не может быть оскорблен ею, что она была он сам» (с. 48).

Осознание того, что человек не может замкнуться в узком мире семейной (хотя бы счастливой) жизни постепенно приходит к Левину. Смерть брата Николай со всей остротой ставит перед ним вопрос о смысле жизни, смерти и бессмертии (ч.5, гл. XX). Важность этого эпизода в сюжетной линии Левина подчеркнута самим Толстым: глава XX, о которой идет речь, - единственная в романе, имеющая заглавие – «Смерть». От отчаяния перед лицом «тайны» «неизбежности смерти» Левина спасает любовь к Кити и сообщение о ее беременности – другая «тайна», «вызывавшая к любви и жизни». «К нему вновь вернулась любовь к жизни, подавившая ужас смерти» [Бурсов, Опульская, 1956, IX, с. 543]. Это было «нравственное пробуждение Левина» [Бабаев, 1978, с. 43].

Отметим еще одну важную сцену в романе: это единственная встреча главных героев - Анны и Левина, и между ними состоялся «полный содержания» диалог, в котором каждое сказанное слово было понято другим (ч.7, гл.

IX-X). Левин понял Анну, ее внутреннюю драму, «почувствовал к ней нежность и жалость, удивившие его самого». Он боялся, что «Вронский не вполне понимает ее» (с. 263). В романе Л. Н. Толстого, отмечает Э. Г. Бабаев, «важным было не то, что Анна и Левин встретились, а то, что они не могли не встретиться» [Там же, с. 112]. Так единственный раз в романе напрямую пересекаются две его сюжетные линии.

Вся восьмая часть посвящена Левину. Казалось бы, счастливый семьянин, муж и отец, Левин получил все, чего он так страстно желал в начале романа. По-прежнему больше всего Левина мучил вопрос о смерти: «откуда, для чего, зачем и что она такое» (с. 349). Он пытался найти ответы на свои вопросы не только в христианстве, но и в философии, и во взглядах других людей. Он вспоминал свои молитвы во время родов жены, пытался прийти к вере, но каждый раз «все распадалось вдребезги» (с. 350). Но он всей душой понимал, что эти минуты были не по слабости, а самыми искренними. «Он был в мучительном разладе с собою и напрягал все душевные силы, чтобы выйти из него» (с. 351).

Так мысль Левина направляется в другое русло: невозможность решения вопросов социально-экономических, переделки хозяйства на новый лад (а это было невозможно при сохранении дворянско-помещичьих привилегий, от которых не отказывается Левин, потому что этот шаг еще не совершил в своей жизни сам автор) заставляет толстовского героя обратиться к вечным этико-философским вопросам: «Без знания того, что я такое и зачем я здесь нельзя жить» (с. 352).

Поиски ответа на вопрос «*что я такое и зачем я здесь*» становятся главными для Левина, определяя всю его дальнейшую жизнь. «Теперь он, точно против воли, все глубже и глубже врезывался в землю, как плуг, так что уж и не мог выбраться, не отворотив борозды» (с. 353). Вся его работа в деревне наполняла его жизнь, привнося в нее смысл. Левин теперь знал, «что ему надо делать, как ему надо все это делать и какое дело важнее другого» (с. 354). И все это приводило его к осознанию того, что внутри его есть то, что судит его.

«Присутствие непогрешимого судьи, решавшего, который из двух возможных поступков лучше и который хуже; и как только он поступал не так как надо, он тотчас же чувствовал это» (с. 355). Не это ли знание давало Левину жить дальше, а не совершать самоубийства?.. Не это ли и есть вера во Всевышнего, которую он так долго искал?

К этому осознанию Левина подтолкнул самый заурядный разговор с мужиком Федором. По мужицкой правде есть два типа людей: которые для себя живут и которые для души, Бога помнят, то есть живут по божьим заповедям. «Слова, сказанные мужиком, произвели в его душе действие электрической искры, вдруг преобразившей и сплотившей в одно целый рой разрозненных, бесильных отдельных мыслей, никогда не перестававших занимать его» (с. 358). Левин осознает слова Федора как самые мудрые слова ему когда-либо сказанные. Он осознает себя теперь частью большой семьи людей, которые знают «для чего надо жить и что хорошо». Левин понимает, что разумом никогда нельзя было бы дойти до того чувства, которое он испытал после слов Федора: смысл жизни в том, чтобы «жить для бога, жить для души» (с. 360).

Левин осознает, что *это* даже не открытие, что он всегда знал *это*, только шел к нему не теми путями. Признание всех людей детьми Божьими дается Левину с радостью. Он объясняет себе, почему во время родов Кити он обращается к Нему: «Я, воспитанный в понятии бога, христианином, наполнив всю свою жизнь теми духовными благами, которые дало мне христианство, преисполненный весь и живущий этими благами» (с. 362). «Неужели это вера? – подумал он, боясь верить своему счастью. – Боже мой, благодарю тебя!» (с. 363).

Открытие возможности для себя веры, непреложности закона добра все же не освобождало Левина от сомнения. Он пытался как-то выразить все то, что произошло в его душе словами, разумом. Но, наблюдая звездное небо, Левин приходит к выводу, что разум не может дать оснований верить или не верить. Это дано или нет. Константин Левин, идя крохотными шагами к большому счастью в своей душе, даже не решает поделиться им с женой. «Это тайна, для меня одного нужная, важная и невыразимая словами»

(с. 380). Понимание этой «тайны» не просветило его, не было чудом, но оно преобразило его душу. Левин теперь знал, что в его жизни по-прежнему будет место и ошибкам, и раскаяниям, и сомнениям. Но он также понял главное: «жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее – не только не бессмысленна... но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» (с. 381).

Эти финальные размышления Левина, мысли, к которым он приходит в результате мучительных нравственных поисков, и составляют *кульминацию* в сюжетной линии героя и всего романа «Анна Каренина», оставляя *открытым* его финал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируем результаты нашего исследования. Так для чего же Л. Н. Толстой вводит в роман две сюжетные линии? Как они сцепляются между собой?

При поверхностном прочтении может сложиться впечатление, что Анна и Левин - герои-антиподы. А значит – две сюжетные линии никак не связаны в романе между собой (если не считать единственной встречи Анны и Левина в 7-й части романа). И, следовательно, правы были первые критики, утверждавшие, что роман Толстого распадается на две, не связанные между собой части, то есть не является единым художественным целым?

Казалось бы, в романе есть все основания, чтобы так думать. Во-первых, то, на чем завязаны первоначально обе сюжетные линии, - любовный конфликт. Но главные герои проявляют себя в любви абсолютно по-разному. Анна, разрушая законный брак, вступает в «преступную» связь с Вронским, как будто бы оправдывая первоначальный замысел романа о «гадкой, преступной

женщине» (с. 322) (так говорит о себе сама Анна). Левин же, который ставит женщину на пьедестал святыни, в конце концов нежной и трепетной любовью соединяется с Кити, с «совершенством во всех отношениях», таким существом, которое в его восприятии, «превыше всего земного» (с. 29).

В романе развивается тема двух «браков» (кстати, «Два брака» - один из вариантов названия романа), но браки эти абсолютно разные. Левинский брак – брак законный, церковный, а у Карениной (с Вронским) - «брак» незаконный, а значит – не освященный свыше. К тому же Толстой постоянно акцентирует внимание и на разных типах любви: Каренина-Вронский – страсть, не просветленная духовным началом, и истинная, в понимании писателя, любовь Левина-Кити.

Так, где же тогда «внутренний» замок, о котором говорил автор «Анны Карениной»? В результате предпринятого нами исследования, мы пришли к выводу, что «внутренняя связь», а значит художественная целостность романа, обусловлена *поисками смысла жизни*, которые ведут оба главных героя, но в разных направлениях. Точнее, в начале романа оба героя смысл жизни видят в одном и том же – в личном счастье. Анализ романа позволяет нам согласиться с утверждением Э. Г. Бабаева: «Уже первые сцены указывают на общность “путей”, на которых сталкиваются и перекрещиваются судьбы героев... романа» [Бабаев, 1978, с. 48]. Однако, как мы увидели, понимание счастья, а главное - «избрание пути», ведущего к нему, у них оказываются разными. Отсюда разным оказывается итог их исканий.

Анна, сосредоточившись на поисках лишь своего личного счастья и заблудившись в «паутине лжи», проходит свой путь, сопровождающийся постепенным усилением отчаяния. «Все неправда, все ложь, все обман, все зло!» - вот тот вывод героини, который делает невозможной ее дальнейшую жизнь: «Я чувствую, что лечу головой вниз в какую-то пропасть, но я не должна спасаться. И не могу» (с. 348).

Левина же, постепенно осознающего невозможность ограничения узко-семейной, пусть и счастливой жизнью, спасают его поиски веры и «дело», которое было «единственной руководительной нитью», выведившей его из «темноты» незнания: «и он из последних сил ухватился и держался за него» (с. 386). Так Левин, тоже через отчаяние, ужас смерти, приходит к спасительному пониманию существования в жизни «несомненного смысла добра».

Левинский путь более тернист и сложен, но этот путь выводит его к свету. Неслучайно образ Левина в его исканиях добра и правды соотносится с образом плуга, «всё глубже и глубже» врезающегося в землю. Образ же Анны сопровождается образом-символом потухающей свечи и наступающего мрака. Следовательно, если бы не было образа Левина, роман был бы безысходно трагичен. И, следовательно, «без Левина не было бы и романа как целого» [Там же, с. 112].

Добавим к этому, что вопросы жизни и смерти, которыми задаются главные герои, находят отражение и в сюжетной организации романа. Смерть брата Николая и роды Карениной, смерть Карениной и роды Кити. Седьмая часть романа открывает, по словам А. А. Фета, «два видимых и вечно таинственных окна: рождение и смерть» [Цит. по: Бабаев, 1978, с. 122]. Зеркальное расположение этих поворотных событий в романе дает основание сделать вывод о том, что философская проблема жизни и смерти является сквозной в романе. А главное – так автор на «внутреннем» уровне художественной структуры романа подчеркивает связь двух сюжетных линий.

Л. Н. Толстой не мог оставить в романе вопросы без ответов. Напряженная духовная жизнь Левина начинается тогда, когда он задается вопросом: «Неужели только отрицательно?». Это был мучительный вопрос Анны, на который она не нашла ответа. Для ответа на этот вопрос Толстому и нужен был Левин, что подчеркивает его важную идейно-композиционную роль в художественной структуре романа. Так Толстой «сцепляет» две сюжетные линии, создавая единое художественное целое.

Размышление писателя над проблемами жизни и смерти, смысла жизни («Без знания того, что я такое и зачем я здесь, нельзя жить») и принципиальная незавершенность этих размышлений (открытый финал), сосредоточенность на раскрытии внутреннего мира героев, занятых решением этих вековых вопросов бытия (при всей разности подходов к их решению), позволяет говорить об «Анне Карениной» как о философско-психологическом романе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. И. Воспоминания // Л. Н. Толстой : К 120-летию со дня рождения (1828—1948) : в 12 т. - М. : Гос. лит. музей, 1948. – Т. 2. – С. 232-330.
2. Ахметшин Р. Б. Романы Л. Н. Толстого 60-70-х годов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/romany-ln-tolstogo-60-70-kh-godov> (дата обращения: 09.12. 2015).
3. Бабаев Э. Г. Комментарии. «Анна Каренина» // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. - М. : Худож. лит., 1982. – Т. 9. «Анна Каренина». – С. 417-448.
4. Бабаев Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. - М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993. - 296 с.
5. Бабаев Э.Г. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. - М. : Худож. лит., 1978. - 160 с.

6. Барабаш О. В. Психологизм как конструктивный компонент поэтики романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/psikhologizm-kak-konstruktivnyi-komponent-poetiki-romana-ln-tolstogo-anna-karenina> (дата обращения: 09.12. 2015).
7. Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 т. - М. : Худож. лит., 1978. – Т. 1. – С. 174-193.
8. Бурсов Б. И., Опульская Л. Д. Л. Толстой // История русской литературы : в 10 т. - М. : Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 9. – Ч. 2. – С. 433-618.
9. Венгеров С. Толстой (граф Лев Николаевич) // Энциклопедический словарь. - СПб. : Акционер. издат. об-во Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1901. – Т. XXXIII. – С. 450-457.
10. Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой // История русской литературы : в 4 т. - Л. : Наука, 1982. – Т. 3. – С. 382-408.
11. Горная В. Мир читает «Анну Каренину». - М. : Книга, 1979. - 127 с.
12. Горький М. Лев Толстой: Отрывок // Л. Н. Толстой в русской критике: сб. ст. - М. : Худож. лит., 1952. – С. 494 - 500.
13. Горьковская Н. В. Художественная феноменология эмоциональной жизни в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: стыд и вина [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-fenomenologiya-emotsionalnoi-zhizni-v-romane-ln-tolstogo-anna-karenina-sty> (дата обращения: 09.11. 2015).
14. Григорьев А. Л. Роман «Анна Каренина» за рубежом // Толстой Л. Н. Анна Каренина : роман в восьми частях. - М. : Наука, 1970. – С. 856 - 890.
15. Громова - Опульская Л. Д. А. С. Пушкин у истоков «Анны Карениной» : Текстология и поэтика // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. - М. : Наука, 1998. – С. 162 - 171.

16. Гудзий Н. Вступительная статья и примечания. Л. Н. Толстой «Анна Каренина». Неизданные тексты // Литературное наследство. - М. : Изд-во АН СССР, 1939. – Т. 35-36. Л. Н. Толстой. – С. 381- 397.
17. Гудзий Н. К. Лев Толстой : Критико-биографический очерк. - М. : Худож. лит., 1960. - 215 с.
18. Гуреева Н. В. Поэтика романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» : бессознательное, художественное время, цветовая образность [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/poetika-romana-ln-tolstogo-anna-karenina-bessoznatelnoe-khudozhestvennoe-vremya-tsvetovaya-o> (дата обращения: 19.12. 2015).
19. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой : Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. - М. : Изд-во АН СССР, 1963. - 695 с.
20. Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1877, 1880, август 1881 // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. - СПб. : Наука, 1995. – Т. 14. – С. 227-239.
21. Ермилов В. В. Толстой – художник : Доклад, прочитанный 30 июня 1960 г. на Международной конференции памяти Толстого в Венеции // Литературное наследство. - М. : Изд-во АН СССР, 1939. – Т. 69. Л. Н. Толстой. – Кн. 1. – С. 23-32.
22. Жданов В. А., Зайденшур Э. Е. История создания романа «Анна Каренина». Приложения // Толстой Л. Н. Анна Каренина : роман в восьми частях. - М. : Наука, 1970. – С. 803-833.
23. История русской философии: учеб. пособие / под ред. М. Н. Громова. - М. : ИФРАН. 1998. - 203 с.
24. Ищук Г. Н. О художественном воздействии романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Филологические науки. – 1978. – №3. – С. 21- 29.
25. Касьян Н. И. Проблема свободы и необходимости в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и ее интерпретация российскими учеными [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-svobody-i-neobkhodimosti-v-romane-l-n-tolstogo-anna-karenina-i-ee-interpretatsiya-r> (дата обращения: 19.10. 2015).

26. Купреянова Е. Н. Выражение эстетических воззрений и нравственных исканий Л. Толстого в романе «Анна Каренина» // Русская литература. – 1960. – №3. – С. 117-137.
27. Лейдерман Н. Л., Барковская Н. В. Теория литературы (вводный курс) : учеб.-метод. пособие / Урал. гос. пед. ун-т; Науч.-исследоват. центр «Словесник». - Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2003. - 73 с.
28. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. - М. : Сов. энциклопедия, 1987. - 751 с.
29. Мейер М. Проблема семьи в творчестве Л. Н. Толстого, 1850-е - 70-е годы [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-semi-v-tvorchestve-l-n-tolstogo-1850-e-70-e-gody> (дата обращения: 09.12. 2015).
30. Михайловский Н. К. Десница и шуйца Льва Толстого // Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. - М. : Гослитиздат, 1957. – С. 59-180.
31. Михайловский Н. К. Еще о гр. Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой в русской критике : сб. ст. - М. : Худож. лит., 1952. – С. 299-320.
32. Михайловский Н. К. Личные воспоминания о гр. Толстом. - Гр. Толстой и г. Мечников, как гигиенисты // Литературные воспоминания и современная смута : в 2 т. - СПб. : Русское богатство, 1900. – Т. 1. – С. 198-234.
33. Набиев Н. Проблема человека в творчестве Л. Н. Толстого [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-cheloveka-v-tvorchestve-l-n-tolstogo> (дата обращения: 10.12. 2015).
34. Набоков В. В. Лекции по русской литературе [Электронный ресурс] // URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=115358> (дата обращения: 09.09. 2015).
35. Оболенский А. Д. Две встречи с Л. Н. Толстым : Отрывок // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 т. – М. : Худож. лит., 1978. – Т. 1. – С. 239-244.

36. Осмоловский О. Н. Достоевский и русский психологический роман XIX в. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/dostoevskii-i-russkii-psikhologicheskii-roman-xix-v> (дата обращения: 05. 09 2015).
37. Плюханова М. Б. Творчество Толстого. Лекция в духе Ю. М. Лотмана // Л. Н. Толстой : pro et contra. – СПб. : Изд-во Рус. Христ. гуманист. инст., 2000. – С. 822-857.
38. Покровская Н. Примечания к письму Фета А. А. к Л. Н. Толстому, 23 августа 1877 г. // Литературное наследство. – М. : Изд-во АН СССР, 1939. – Т. 37-38. Л. Н. Толстой. – С. 226.
39. Проскурина Т. Д. Идеино-художественные особенности воплощения «мысли семейной» в романах Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/ideino-khudozhestvennye-osobennosti-voploshcheniya-mysli-semeinoi-v-romanakh-ln-tolstogo-ann> (дата обращения: 09.12. 2015).
40. Решетов Д. В. Романы Г. Флобера «Мадам Бовари» и Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: Философско-эстетическое осмысление проблемы самоубийства [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/romany-gflobera-madam-bovari-i-ln-tolstogo-anna-karenina-filosofsko-esteticheskoe-osmyslenie> (дата обращения: 29.11. 2015).
42. Рождественский Б. В. О композиции романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Ученые записки Московского городского пединститута. – 1954. – Т. XI. – №4. – С. 190-220.
43. Сергеенко П. А. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. 2 изд., доп. и испр. – М. : Типография тов-ва И. Д. Сытина, 1903. – С. 137-152.
44. Солев К. Проблема «духовной» и «плотской» любви в мировоззрении и художественном творчестве Л. Н. Толстого, 1850-1900 годы [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-dukhovnoi-i->

- plotskoi-lyubvi-v-mirovozzrenii-i-khudozhestvennom-tvorchestve-l-n-tols (дата обращения: 09.12. 2015).
45. Степаненко А. К. Сюжетно-композиционная структура романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/syuzhetno-kompozitsionnaya-struktura-romana-ln-tolstogo-anna-karenina> (дата обращения: 05. 11. 2015).
46. Страхов Н. Н. Взгляд на текущую литературу // Страхов Н. Н. Литературная критика. – М. : Современник, 1984. – С. 402-404.
47. Суркова Ж. Л. Поэтика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» : Идиллические мотивы и эсхатологическая символика [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/poetika-romana-ln-tolstogo-anna-karenina-idillicheskie-motivy-i-eskhatologicheskaya-simvolik> (дата обращения: 10.11. 2015).
48. Толстая С. А. Мои записи разные для справок // Толстая С. А. Дневники : в 2 т. – М. : Худож. лит., 1978. – Т.1. : 1862-1900. - 608 с.
49. Толстой И. Л. Мои воспоминания. – М. : Мир, 1933. - 436 с.
50. Толстой Л. Н. - Страхов Н. Н. : полн. собр. переписки : в 2 т. – М. : Гос. музей Л. Н. Толстого; Ottawa, 2003. - 478 с.
51. Толстой Л. Н. Анна Каренина. – М. : Наука, 1970. - 834 с.
52. Толстой Л. Н. Запись от 30 сентября 1865 г. // Толстой Л. Н. Дневник 1865 г. - М. : ГИХЛ, 1952. - С. 175.
53. Толстой Л. Н. Письмо 324 С. А. Рачинскому // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. – М. : Худож. лит., 1984. – Т. 18. Избранные письма. – С. 820-821.
54. Толстой Л. Н. Письмо А. А. Толстой. Между 8 и 12 марта 1876 г. // Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка (1857 – 1903). – М. : Наука, 2011. С. 329.
55. Толстой С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» : Из воспоминаний // Литературное наследство. – М. : Изд-во АН СССР, 1939. – Т. 37-38. Л. Н. Толстой. – С. 566-590.

56. Успенский Н. В. Гр. Л. Н. Толстой в Москве // Успенский Н. В. Из прошлого. – М. : Типография Ф. Иогансона, 1889. – С. 94-95.
57. Фет А. А. Что случилось по смерти Анны Карениной в «Русском Вестнике» // Литературное наследство. – М. : Изд-во АН СССР, 1939. – Т. 37-38. Л. Н. Толстой. – С. 231-238.
58. Хализев В. Е. Теория литературы. – М. : Высш. школа, 2002. - 437 с.
59. Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник // Храпченко М. Б. Собр. соч. : в 4 т. – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 2. – С. 168-228.
60. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. - 492 с.
61. Чичерин А. В. Идеи и стиль. – М. : Сов. писатель, 1965. - 374 с.
62. Шатилов Н. И. Из недавнего прошлого // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 т. – М. : Худож. лит., 1978. – Т. 1. – С. 248-252.
63. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. – Л. : Сов. писатель, 1960. - 294 с.